

Ночная птица

Автор:

Брайан Фриман

Ночная птица

Брайан Фриман

Триллер высокого напряжения Фрост Истон #1

Что, если бы вам пришлось переживать свои самые ужасные воспоминания... снова и снова? Детектив и психиатр вместе расследуют серию таинственных «самоубийств» в захватывающем психологическом триллере Брайана Фримана – одном из 20 лучших бестселлеров 2017 г. в США.

Фрост Истон, детектив отдела убийств Сан-Франциско, не верил в совпадения. И когда город потрясла серия жутких самоубийств, он привычно «взял след». Так детектив оказался в кабинете психиатра Франчески Штейн, терапия которой способна стирать самые ужасные воспоминания. Ведь все жертвы были ее пациентками...

Отныне судьбы мачо-полицейского и проницательного врача сплелись в клубок крайне загадочного дела. И чем дальше, тем опаснее оно становится. Некто, зовущий себя Ночная Птица, затеял интеллектуальную психологическую игру: шлет издевательские послания о погибших женщинах и... собственном прошлом Франчески и Фроста... И все ближе и ближе стук черных крыльев в кромешной тьме...

Это первоклассный рассказчик.

[i]Нельсон Демиль[i]

Когда будете читать эту книгу, вам захочется включить побольше света.

[i]Publishers Weekly[/i]

Романы Фримана жесткие и напряженные – но до той степени, чтобы не отпугнуть более «нежных» читателей.

[i]Booklist[/i]

Брайан Фриман

Ночная птица

Brian Freeman

The Night Bird

Text copyright © 2017 by Brian Freeman. This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Павлычева М. Л., перевод на русский язык, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Книги Брайана Фримана продаются в 46 странах мира и переведены на 22 языка. Визитная карточка его триллеров – сложные, противоречивые характеры и лихо закрученные сюжеты.

Романы Фримана номинировались на самые престижные премии в области остросюжетной литературы.

Посвящается Марсии,

в память о Томасе Фримане

Вновь оживают в памяти моей

Истории о мрачных привиденьях...

Джон Мильтон[1 - Джон Мильтон. «Комос». Пер. Ю. Корнеева. – Здесь и далее прим. пер.]

Когда я был моложе, я мог вспомнить что угодно, происходило это или нет. Но я старею – и скоро смогу вспоминать только второе.

Марк Твен

Глава 1

На всех пяти западных полосах моста Сан-Франциско – Окленд горели, будто рождественская гирлянда, красные стоп-сигналы. В двухстах футах над

холодными водами, отделяющими остров Йерба-Буэна от Сан-Франциско, сопровождаемая гудками, ударами и скрежетом металла цепная реакция из ДТП-«паровозиков» превратила проезжую часть в парковку. Сотни уставших от пробок путешественников, устремившихся к Заливу, поняли, что дальше они поедут не скоро. Люди выключили двигатели, взяли в руки смартфоны и приготовились ждать.

Люси Хаген, оказавшаяся в этой автомобильной ловушке в крайнем правом ряду, запаниковала. Она непроизвольно сжала кулаки; ногти впились в ладони.

- Черт, черт, черт, - бормотала Люси, прикрыв глаза. - Только не здесь...

Ее подруга Бринн, сидевшая за рулем «Камаро» с откинутым верхом, похлопала Люси по коленке:

- Эй, все будет хорошо.

Но хорошо не было.

Люси ненавидела мосты. Если б она могла, то с радостью больше не проехала бы ни по одному. Но ведь она в Сан-Франциско. Здесь вода везде, и любая поездка предполагает проезд по какому-нибудь мосту. По Ричмондскому. По Оклендскому. По Сан-Матео. По Дамбартонскому. По Золотым Воротам. Когда удавалось, Люси ездила на другую сторону Залива на скоростной электричке, но так получалось нечасто; и у нее не оставалось иного выбора, кроме как ехать по высоким пролетам, чтобы добраться в нужное место. Мосты были ее врагами.

- Ты можешь выбраться из ряда? - спросила Люси у Бринн.

- И куда я поеду? - вздохнула та.

Они оказались запертыми. Все вокруг было заполнено стоящими машинами. Бринн заглушила двигатель «Камаро», но радио оставила включенным. «Стили Дэн» пели «Повтори», и Бринн отстукивала на руле ритм. Ситуация никак не действовала на нее; Люси же переживала страшнейший кошмар - застрять на мосту всего в нескольких дюймах от парапета и от отвесного провала вниз, к воде...

Была ночь, одиннадцать часов. Клочья тумана, словно привидения, выплывали из мрака и просачивались между кабелями. Над машиной, устремляясь вверх, к пилону, тянулся подсвеченный белыми огнями гигантский трос, а к нему цеплялись удлиняющиеся по мере удаления кабели. Холодный, злобный ветер выл и стонал. Люси ощущала почти незаметное покачивание моста, и это лишний раз напоминало ей о том, что она поймана в ловушку где-то между землей и небом. Она покрылась липким потом и против воли дернулась, как будто через нее пропустили ток.

- А дорожным рабочим, чтобы заменить лампочки, приходится забираться вон туда, - сказала Бринн, указывая на резкий изгиб троса вверх. - Вот жуть... И ведь кто-то идет на такую работу.

- Заткнись, Бринн.

Та рассмеялась.

- Сейчас не самое подходящее время для «медвежьей болезни».

- Я же сказала, заткнись. Пожалуйста. Это не смешно.

- Прости, - извинилась Бринн, пожимая Люси руку. - Тебе так плохо, да?

- Ужасно.

- Тебе стоит поговорить с моим психиатром.

- Не поможет. Ничего не поможет.

- Ну она отличный врач. Очень помогла мне... Кстати, чего ты так боишься? Думаешь, что мост рухнет, да?

- Нет, - ответила Люси.

- Тогда чего?

– Бринн, я не хочу говорить об этом, ладно?

Подруга подняла вверх руки, показывая, что сдается.

– Ладно. Успокойся. Скоро мы отсюда выберемся. Я включу музыку погромче.

Бринн так и сделала. Из радио зазвучал голос Элтона Джона. «Берри энд зе Джетс». Элтон орал из динамиков, заглушая рев ветра.

Люси знала, что большинство людей не боятся мостов. Таких здесь множество, все в плену у конструкции из стали и бетона, висящей высоко над Заливом, но всем на это плевать. Она оглядела соседние машины. Мужчина в «Лексусе» что-то рывкал в мобильный телефон; он был просто раздражен вынужденной задержкой. Еще кто-то писал сообщения – она видела, как мелькают большие пальцы рук. В минивэне по DVD-плееру, встроенному в приборную панель, смотрели кино. Она даже узнала фильм. «Головоломка».

Все это было обычной, одной из многих калифорнийских пробок.

Неожиданно у Люси пересохло во рту. Оглядывая машины позади, она заметила через ряд от них черный «Катласс» с затемненными стеклами. Кузов был мятым и грязным. Люси обратила внимание на «Катласс» только потому, что в тот момент, когда ее взгляд скользнул по машине, стекло в пассажирской дверце наполовину опустилось. Несмотря на ночной мрак и темноту в салоне, Люси все же удалось на мгновение разглядеть лицо за лобовым стеклом.

Даже не лицо. Маску.

Маска была мертвенно-белой с винно-красными губами, растянувшимися в гротескно огромной улыбке. Отверстия для глаз были проделаны в шарах, напоминающих глаза мухи. Подбородок выдавался вперед узким острием, а утрированно выпуклый лоб переходил в череп с черными волосами – парик, – которые свисали по обе стороны маски. Маска усмехалась ей.

– Черт побери! – воскликнула Люси.

Бринн удивленно посмотрела на нее.

- В чем дело?

- Тот тип! Смотри!

Бринн оглянулась.

- Ничего не вижу.

Окно «Катласса» уже закрылось. Рассмотреть, что внутри, было невозможно. Люси уже сомневалась, что стекло опускалось. Возможно, ей все привиделось. Просто ужас, порожденный мостом, заставил ее вообразить то, чего нет...

- Что ты там углядела? - спросила Бринн.

- Ничего. Прости.

- Тебе все еще страшно?

- Да.

- Послушай, нужно просто сидеть и ждать, - сказала Бринн. - Ничего не случится.

- Знаю. Но я боюсь, что у меня поедет крыша.

Люси закрыла глаза и принялась сосредоточенно делать глубокие вдохи и выдохи. Вдох через нос, выдох через рот. Два, три... Сначала это помогало, но когда резкий порыв ветра качнул «Камаро», Люси открыла глаза. Закричав, она обхватила себя руками. Рядом с ней Бринн с наслаждением вдыхала свежий воздух, поднимающийся от воды. Даже в кружевном платье, которое, задравшись, почти полностью открывало бедра, она не мерзла. Выражение на ее лице было мечтательным.

Люси стало завидно, что подруга так чертовски спокойна. Они обе работали продавцами в «Мейсис». И вместе снимали студию в Хайт-Филлморе. Если ты не адвокат, не банкир или не техгуру, но хочешь жить в городе, приходится втискиваться в крохотные комнатухи. Бринн была из тех высоких блондинок,

что, проходя мимо мужчин, впитывают в себя всю их энергию. Роскошные волосы, роскошное тело, длинные ноги, сияющая улыбка. Это, конечно, досаждало, но дружба с Бринн открывала доступ в лучшие клубы и на лучшие вечеринки. Красивая, Бринн была не жадной и не тыкала всем в нос своими достоинствами.

В ее обществе невозможно было не ощутить ее внутреннего счастья. Она обладала некоей волшебной силой. У нее была потрясающая внешность. Новый, очень сексуальный приятель. Родители, помогавшие деньгами, когда становилось совсем туго. Люси очень хотелось поменяться с ней местами. Хотя бы на денек; было бы здорово узнать, каково это – оказаться в ее голове и в ее теле. Почувствовать себя уверенной и ничего не бояться. В Люси же каждый день в городе вселял страшную тревогу.

– Люси, давай потанцуем, – предложила Бринн.

Во время долгого проигрыша подруга вместе с Элтоном Джоном напевала «Б-б-бени». Она покачивалась в такт; она отбивала ритм по приборной панели. Она откидывала голову, и густые светлые волосы рассыпались по плечам. Люси сдалась и тоже запела. Водители соседних машин салютовали им и подбадривали гудками. На мгновение Люси позабыла о мосте, и на ее лице появилась робкая улыбка. Увидел это, Бринн просто засияла от радости и подняла большие пальцы:

– Так держать! Покажи им всем, подруга!

Люси, рассмеявшись, задвигалась энергичнее и запела громче. Ее каштановые волосы развевались на ветру.

– От тебя можно сойти с ума! – закричала Люси, обращаясь к Бринн.

Сейчас она нуждалась именно в таком сумасшествии. Бринн – чудная, замечательная и страстная, как сама Бенни.

Когда песня закончилась, Люси откинула голову на подголовник. Она смотрела на месмерические огни над ними, и тут по радио заиграли более спокойную композицию, что-то в исполнении Кэрл Кинг. Люси вслушивалась в шум ветра и ощущала, как раскачивается мост. Но впервые все это ее радовало – и совсем не

пугало.

- Спасибо, - сказала она. - Здорово помогло.

Подруга не ответила, и Люси посмотрела на нее.

- Бринн?

Та сидела, вцепившись обеими руками в руль. И сжимала его так, что у нее побелели костяшки. На лбу поблескивали капли пота, огромные, как дождевые. Ее рот был открыт, нижняя челюсть отвисла. Случилось что-то нехорошее.

- Бринн, если это шутка, то уже не смешно, - сказала Люси. - Хватит.

Из груди Бринн вырвался истошный крик. Она с трудом отцепилась от руля. Ее руки дрожали, как пальмовые листья. Сначала она впиалась ногтями в свои запястья так, что на коже появились алые ранки, а потом принялась раздирать свое лицо - и не останавливалась, пока кровь не брызнула на светлые волосы и не потекла по губам.

- Бринн!!! - завопила Люси.

Люди в соседних машинах заметили, что что-то происходит. Кто-то окликнул их. Люси услышала, как захлопали дверцы.

Бринн вдруг вскочила. Ветер трепал ее волосы и рвал алое платье. Она перебралась через лобовое стекло и, прокатившись по капоту «Камаро», неуклюже сползла на асфальт. К ним уже спешили водители соседних машин. Бринн продолжала вопить. Она, словно защищаясь от птиц, клевавших ей глаза, закрыла ладонями лицо.

- Бринн, в чем дело? - закричала Люси. - Что случилось? Бринн, это я, успокойся...

Она отстегнула ремень безопасности, распахнула дверцу и уже собралась было вылезти из машины, но тут ее взгляд упал на бездонную пропасть за парашетом. Ее ноги налились свинцом, все тело скрутил болезненный спазм. Она не могла

думать больше ни о чем, кроме высоты. И ветра. И воды. И пропасти. И не могла выбраться из машины.

Бринн, покачиваясь на высоченных каблуках, двинулась к парашюту. Она не произнесла ни единого слова, только кричала. Забравшись на высокий бетонный бордюр, обеими руками ухватилась за трос. Ветер, как игрушку, толкал туда-сюда ее хрупкое тело, обтянутое платьем.

– Бринн! Нет!

Люси все же выбралась из машины, но, едва оказавшись на асфальте, съежилась и села на корточки. Она не могла преодолеть себя и выпрямиться. Мысль о том, что она на мосту, такая уязвимая, приводила ее в ужас. Мир вокруг кружился. Бетон был холодным, как лед. Встав на четвереньки, Люси поползла вперед и протянула руку к Бринн, стоявшей всего в десяти футах от нее.

– Иди ко мне! Спускайся!

Бринн перебралась подальше от нее. Двигалась она странно, будто краб по песку. Вцепившись окровавленными пальцами в трос, обхватила его ногами и поднялась вверх фута на два. Потом еще выше. И выше.

Люси, сжавшись на асфальте, изумленно смотрела на нее.

– Бринн, что ты делаешь?

Бринн отцепила одну руку от троса и стала отмахиваться, как от роя мух. Неожиданно у нее отломился один каблук и полетел вниз, крутясь в воздухе, как кленовый «вертолетик». Она судорожно задергала ногой, ища опоры. Грубая поверхность металла царапала ей колени. Бринн все ожесточеннее сжимала трос, подтягиваясь выше и выше, дюйм за дюймом. Посмотрев вниз, взвыла, потому что увидела то, что ее преследовало. Ползло вверх вслед за ней. Она пнула невидимого врага, но ее нога свободно прошла сквозь воздух.

– Бринн!

Какой-то мужчина, подняв руки, тщетно пытался дотянуться до нее. Он поманил ее к себе. Улыбнулся ей.

– Эй, детка, все в порядке. Ползи вниз. Я тебя поймаю.

Бринн не видела и не слышала его.

Она не видела Люси и не слышала, как та зовет ее.

Бринн закрыла глаза. Ее пальцы разжались. Ноги перестали сжимать трос. Теперь ничто не удерживало ее, она была свободна и падала, падала вниз. Вой ветра заглушил ее крики. Люси спрятала лицо в ладонях, когда Бринн пролетела мимо нее и исчезла в водах Залива.

Глава 2

Фрост Истон из полиции Сан-Франциско просунул голову между тросами моста и посмотрел вниз. Вода под мостом была исчерчена лучами прожекторов береговой охраны. Поиски велись уже час, но тело Бринн Лэнсинг так и оставалось скрытым в увенчанных пенными волнами глубинах. Фрост знал, что со временем тело вынесет на берег. Любителей прыгать с моста Золотые Ворота обычно относил в Тихий океан, и надежды найти их не было, а вот Залив почти всегда отдавал свои жертвы.

Его знакомые гидрологи из государственного университета изучали течения в Заливе и часто заключали пари о том, где и когда обнаружатся тела. Естественно, Истон никогда не шел на такую глупость, как ставить против них.

Он приподнялся на цыпочки. Ветер пихал его в спину, пытаясь столкнуть, и, растрепав короткие, аккуратно зачесанные золотисто-каштановые волосы, перекинул их на лоб. Фрост нахмурился, представив, как молодая женщина падала вниз и как потом черные воды поглотили ее. Пять секунд – и конец.

– Вы могли бы этого не делать?

Высокий Фрост почти нависал над бездной. Обернувшись на голос, он увидел свидетельницу – та все еще сидела в машине, принадлежавшей Бринн Лэнсинг. Девушка словно окаменела от страха и смотрела прямо перед собой.

– Чего? – спросил Фрост.

– Вы могли бы этого не делать? Не нависать над краем? Пожалуйста. Мне от этого плохо.

Фрост спустился на асфальт и прошел десять футов, отделявших его от «Камаро». Полы его куртки хлопали на ветру, галстук перекинуло через плечо. Истон сел на корточки у дверцы. Девушка, несмотря на владевший ею ужас и заплаканное лицо, была очень мила.

– Простите, – сказал он. – Я понимаю, как вам страшно.

– Я думала, она шутит...

– В каком смысле? – удивился Фрост.

– Бринн. Я думала, что она дурачится, высмеивает меня за то, что мне страшно. А я едва сознание не теряла.

Фрост кивнул.

– А что вас пугает? Высота?

– Вообще-то сам мост.

– Я слышал о таком. Гефиروفобия, так, кажется, это называется? Страх перед мостами.

– Да. Правильно. – Судя по выражению ее лица, она удивилась, что он знает это слово.

– Думаю, у всех есть свои фобии, – сказал Фрост. – Вот я, к примеру, боюсь лягушек. Эти скользкие маленькие чудовища пугают меня до полусмерти.

Он улыбнулся ей, при этом один уголок его рта поднялся чуть выше другого. Улыбка у него была теплой, а взгляд голубых глаз – острым, как лазер. Густые брови были такого же цвета, как аккуратно подстриженная борода. Фрост внимательно смотрел на Люси до тех пор, пока она слегка не повернула голову, и тогда он увидел ее пустой взгляд. Происшествие настолько травмировало ее, что сейчас она напоминала робота с разрядившимся аккумулятором.

– Ведь вас зовут Люси, верно? – спросил он.

– Да.

– А как фамилия?

– Люси Хаген.

– Итак, Люси, меня зовут Фрост. Я из полиции. И я намерен увезти вас с моста, как только у меня будет такая возможность. Но сначала я должен задать вам несколько вопросов и понять, что произошло.

– Хорошо.

Фрост указал на черный «Шевроле Субурбан» с эмблемой полиции Сан-Франциско, стоявший между патрульным автомобилем и машиной «Скорой помощи».

– А давайте поговорим в моей машине. Как вы на это смотрите? Со мной прибыли эксперты, и им нужно поработать с «Камаро», но это невозможно, пока вы здесь. Вы меня поняли?

Люси опустила взгляд на колени.

– Ну я с радостью выбралась бы из этой машины, если б не одно «но».

– И какое же?

– Я не могу пошевелиться, – ответила она.

Фрост встал и задумчиво погладил бороду.

– Вы совсем не можете шевелиться?

– Нет, я могу вертеть головой, а руки и ноги меня не слушаются.

Фрост подал знак человеку, одетому в форму «Скорой помощи». Люси помотала головой, увидев, что к ней спешит фельдшер.

– Физически я в полном порядке, – сказала она. – Такое бывало и раньше. Двигательные функции восстановятся, как только я окажусь за пределами моста. Иногда на меня накатывает такой сильный страх, что тело перестает отзываться.

– Мы доставим вас в больницу, и там вас осмотрят, – сказал Фрост.

– Не надо везти меня в больницу. Мне просто нужно оказаться за пределами моста.

– Ладно, но если двигательные функции в ближайшее время не восстановятся, вы точно отправитесь в больницу. Таковы правила. В последний раз, когда я оставил парализованную женщину на Оклендском мосту, мой лейтенант устроила мне за это страшную головомойку.

Истон опять улыбнулся, и на его щеках и под глазами появились глубокие морщинки – очевидно, улыбался он часто. На этот раз Люси сумела ответить ему робкой улыбкой, и бледность на ее лице сменилась легким румянцем.

– Пожалуйста, вытащите меня из машины, – попросила она. – Я забралась сюда после того, как Бринн упала, и с тех пор не могу шевельнуться. Я сижу так целый час. Я замерзла.

– Если хотите, я сам вас перенесу. Или можно позвать одного из фельдшеров.

– Делайте, как считаете нужным, – сказала Люси. – Но так, чтобы я ничего не видела. Я не могу смотреть на эту пропасть.

Фрост открыл пассажирскую дверцу «Камаро». Люси Хаген оказалась маленькой, ростом, наверное, футов пять. Ветер превратил ее темно-каштановые волосы до плеч в спутанную массу. Девушка была одета в серый пуловер с длинными рукавами, черные обтягивающие брюки и невысокие, до середины икр, сапожки. По прикидкам Фроста, ей было не больше двадцати пяти. Жизнь у нее только начиналась; по меркам тридцатичетырехлетнего полицейского, девушка была еще юна. На фоне бледной кожи у нее выделялись темные круги под глазами. Губы с темно-красной помадой были сжаты так плотно, что вокруг образовались морщины. Нос, по мнению Фроста, выглядел крупновато для ее лица, но, в общем, она была вполне миловидной.

Люси закрыла глаза. Фрост подсунул под нее руки и без труда поднял. Она повисла, как мешок с китайским рисом. Он перехватил ее и привалил к плечу, а затем быстро пошел к стоявшему неподалеку «Субурбану». Одной рукой он открыл пассажирскую дверь и усадил Люси. Затем, обойдя машину, сел за руль и обнаружил, что глаза девушки открыты, и она внимательно смотрит на него.

– Спасибо.

– Без проблем, – ответил Истон и включил двигатель; из вентиляционных решеток подул теплом. – Как вы себя чувствуете?

– Здесь, внутри, лучше. А в открытой машине мост ощущается сильнее.

– Неудивительно. – Фрост поправил галстук и попробовал пригладить волосы, но они все равно торчали надо лбом. Эта небрежность в прическе очень шла ему. Короткие, бобриком, волосы на висках подчеркивали красивую форму его маленьких ушей. – Ну что, уже можете двигаться?

– Пока нет, но я уверена, что скоро чувствительность вернется.

– Ладно... Вы в состоянии рассказать, что здесь произошло?

– Бринн съехала с катушек, – ответила Люси. – Именно это и произошло.

- То есть как это?

- Мы застряли в пробке. Мне было дико страшно, ну из-за моста, а Бринн чувствовала себя прекрасно. Шутила, пела... Она была абсолютно нормальной. И вдруг превратилась в психа. На пустом месте. Вопила, царапала себя... Попыталась забраться на мост, как будто ее преследовали, и упала... Это было ужасно.

- Она упала или спрыгнула?

- Думаю, упала. То есть она не пыталась покончить с собой. Тут было что-то другое, но я не знаю, что именно.

- Она говорила что-нибудь, пока все это происходило?

- Нет, она не произнесла ни слова. Просто кричала.

- А откуда вы ехали? - спросил Фрост.

- Из Аламеды, с вечеринки.

- Бринн пила на вечеринке? Принимала наркотики?

Люси энергично помотала головой:

- Не было никаких наркотиков. Это не в ее духе. За весь вечер она выпила один мартини.

- А мог кто-нибудь подсыпать какую-нибудь дрянь в ее напиток?

- Не знаю. Вполне возможно. Вокруг много идиотов, способных на все. Но она всю дорогу была вполне нормальной.

Фрост некоторое время молчал. Искал связи между фактами.

– Вам знакома женщина по имени Моника Фарр? А может, Бринн была знакома с ней?

– Моника Фарр?.. Вряд ли.

Фрост достал из поясного чехла «Айфон», пролистал несколько фотографий и показал Люси снимок молодой рыжеволосой женщины.

– Узнаете эту женщину?

– Нет. А кто это?

Истон не ответил на вопрос.

– Насколько хорошо вы знаете Бринн?

– Очень хорошо. Мы уже год вместе снимаем квартиру. И вместе работаем в «Мейсис».

– Вы никогда не замечали, чтобы она впадала в депрессию или была неуравновешенной? Может, были какие-то другие проявления неустойчивого поведения?

– У Бринн? Даже намек не было. Да она сам оптимизм. Ничто не может повергнуть ее в депрессию. Я бы даже сказала, что в последние несколько месяцев Бринн была радостнее, чем всегда. Встречалась с одним парнем и, как мне кажется, думала, что он тот самый. Ну вы понимаете? Свадебные колокола... Она часто оставалась у него ночевать. Последние два вечера мы с ней не виделись.

– А как зовут этого парня? – спросил Фрост.

– Габриэль Техада. Он адвокат в Саусалито.

– Как они познакомились?

- Он пришел в «Мейсис» перед Рождеством, покупал духи для своей девушки. А после того как Габ познакомился с Бринн, эта девушка быстро стала бывшей.

- Ясно...

Тут Фрост услышал утробный звук с заднего сиденья машины и оглянулся. По салону поплыло вонючее облако, и он зажал нос.

- Фу, Шак, ну что ты? Как ты мог? - сказал он.

Люси смущенно поморщилась. И вскрикнула, когда на приборной панели, перепрыгнув через сиденье, уселся маленький черно-белый кот. У него были огромные темные глаза, розовый нос и черный подбородок на фоне белых щек и грудки. Уши заканчивались белыми кисточками. Кот склонил голову набок, обвил лапы коротким хвостом и принялся с видом практикующего психиатра изучать лицо девушки.

- Извините, - сказал Фрост, - обычно, когда у меня в машине никого нет, он ждет до лотка.

- Это ваш кот?

- Ну вроде того... Долгая история. Знакомьтесь, это Шак.

- Шак? В честь баскетболиста?

- Нет, в честь Эрнеста Шеклтона. Исследователя Антарктики.

- О, - произнесла Люси.

- Я любитель истории. Кстати, у вас есть аллергия?

- Нет.

Шак воспринял ее ответ как приглашение. Он спрыгнул с приборной панели к Люси на колени, покрутился и лег, выставляя на обозрение черное пузо с

единственным белым пятнышком, похожим на печенье «Орео». От носа до хвоста кот был всего с фут. Люси почесала его под подбородком, и Фрост обратил внимание на то, что она снова обрела власть над своими руками.

- Похоже, паралич проходит, - сказал он.

- Ой! - воскликнула Люси и пошевелила пальцами. - Вы правы. Я же говорила, что все это временное.

- Убрать Шака на заднее сиденье? У меня там переноска.

- Нет, всё в порядке. - Люси помотала головой. - Это полицейский кот? Не знала, что такое бывает.

- Нет, он просто кошачий кот. Иногда ему нравится ездить со мной.

- Мне казалось, кошки ненавидят машины.

- Только не Шак. Он согласен ездить куда угодно. У него сердце исследователя. Отсюда и его кличка.

- Это просто класс, - сказала Люси. - Ну то, что вы возите его собой.

- Вот такие мы, инспекторы отдела убийств. Классные ребята.

Люси удивленно вскинула брови.

- Убийств?

- Это мой отдел. Мы расследуем все подозрительные случаи смерти. Судя по тому, что вы рассказываете мне, поведение Бринн не соответствовало ее характеру, и мне хотелось бы выяснить, чем это было вызвано.

- А вы когда-нибудь сталкивались с такими случаями? - спросила Люси.

Фрост ответил не сразу.

- Экстремальное поведение обычно наводит меня на мысль об «ангельской пыли» или кое-каких синтетических препаратах. То, что вы описываете, очень похоже на резкую галлюциногенную реакцию.

- Уверяю вас, Бринн никогда не принимала наркотики, - твердо заявила Люси. - Даже марихуану не пробовала. Она была веганкой. «Мое тело - мой храм». И все в таком роде.

- А она курила?

- Нет.

- Вы не заметили ничего необычного до того, как у нее все это началось?

- Нет, абсолютно ничего... - Люси задумчиво нахмурилась, отчего у нее на лбу появились морщины. Она погладила Шака по животу, и кот с удовольствием потянулся. У Шака были четко определенные симпатии и антипатии в отношении людей, и сейчас он, очевидно, решил, что Люси Хаген ему симпатична.

- Ничего? - наблюдая за девушкой, уточнил Фрост. - Уверены?

Люси огляделась по сторонам. Машины тонкой струйкой вливались в единственную полосу, оставленную полицией для проезда.

- Кое-что было. Странная маска.

- Маска?

- Вместе с нами в пробке стояла одна машина, и на водителе была жуткая маска. Во всяком случае, мне так показалось... Окно открылось и закрылось так быстро, что я решила, что все это игра воображения. А Бринн вообще ничего не видела.

- А что это была за маска? - спросил Фрост.

- Страшная. Мертвенно-белая. Огромная, потусторонняя улыбка, красные губы. Глаза, как у мухи. Еще волосы поддельные.

- Похоже, вы все это не выдумали... Помните, что за машина?

- Я бы сказала, что «Катласс», но не уверена. У нее были затемненные стекла. Черная, кажется.

- А эта машина могла последовать за вами, когда вы уехали с вечеринки?

- Вполне возможно. Я ни разу не смотрела назад, поэтому не знаю. Водитель ничего не сказал и ничего не сделал. Он просто открыл окно и уставился на меня.

- Вы уверены, что это был мужчина? – спросил Фрост.

- Опять же, мне показалось, что это мужчина, но точно сказать не могу.

- А этот человек выходил на мост, когда Бринн стала странно вести себя?

Люси пожала плечами.

- Если и выходил, то без маски. Мне было слишком плохо, чтобы обращать внимание на тех, кто вылезал из машин. А когда я снова вспомнила о той машине, она уже уехала.

- Ясно.

- Думаете, это что-то значит? – спросила Люси.

- Не знаю. Странно, конечно, но и все случившееся очень странно, – сказал Фрост. – Вы говорите, что никогда не слышали о женщине по имени Моника Фарр... А вы в этом уверены?

- Абсолютно. Это имя совсем мне не знакомо.

- Вы с Бринн когда-нибудь бывали в киноцентре в Пресидио?

– Нет, я никогда там не была. И Бринн тоже нет – во всяком случае, за тот период, что мы знакомы. А почему вы задаете мне эти вопросы? Какое отношение это имеет к Бринн? – Так как Фрост не ответил, Люси добавила: – Вы же понимаете, что я стану искать эту женщину через «Гугл», когда вернусь домой.

Фрост знал, что так и будет. Отныне секретов больше нет.

– Ладно. Дело в том, что Бринн не первая, у кого вот так слетает крыша, – сказал он. – Два месяца назад в киноцентре на свадебном приеме с женщиной по имени Моника Фарр случилась точно такая же история. Она тоже погибла.

Глава 3

– Пошли, Шак, – сказал Фрост.

Он подхватил кота под теплое пузо и поднялся на крыльцо дома, стоявшего на Рашн-Хилл, в конце тупиковой Грин-стрит. Именно в этом оштукатуренном и покрашенном в коричневый цвет двухэтажном особняке они с Шаком и жили. Из окон открывался вид на миллион долларов – на Залив. Из-за темной мебели в стиле барокко создавалось впечатление, будто дом обставляла престарелая дама с европейскими вкусами. Так и было на самом деле.

У Фроста от усталости слипались глаза. Было четыре утра. Он не стал включать люстру, так как через огромное, во всю стену окно света в помещение проникало достаточно. Истон был голоден; за последние восемнадцать часов он не ел ничего, кроме хот-дога в «Москоне-центре». Утром, когда полицейский уходил на работу, в холодильнике было пусто, но сейчас он все равно прошел на кухню и открыл дверцу. И усмехнулся, увидев четыре серебристые коробочки, прикрытые алюминиевой фольгой.

Гуманитарная помощь.

Его брат Дуэйн был на пять лет старше и работал шеф-поваром. Девять месяцев назад он купил фургончик, в котором готовят и продают еду, и теперь в

обеденное время и по вечерам его можно было найти в районе к югу от Маркет-стрит. Дуэйн практически жил в фургоне, но раз или два в неделю все же находил время, чтобы сгрузить остатки в холодильник Фроста. Брат знал, что, предоставленный самому себе, Истон будет сидеть на полуфабрикатах – пирожках и макаронах с сыром.

Детектив снял фольгу и обнаружил в коробочках корейское кимчи пулькоги; в оставшихся двух были манты. Прихватив вилку, он перенес еду на массивный обеденный стол и съел все, не разогревая. Шак запрыгнул на стол и терся об руку хозяина до тех пор, пока тот не позволил ему слизать с вилки несколько капель от соуса пулькоги.

За окном по мере приближения к береговой линии уличное освещение редело и в конечном итоге уступало место мраку морской воды. Фрост жил в Сан-Франциско с самого рождения. Из Калифорнии он выезжал дважды и оба раза не мог дождаться возвращения домой. Когда живешь в раю, любая поездка куда-либо кажется скучной. Ему до сих пор с трудом верилось в то, что родители решили переехать из Калифорнии в пекло Аризоны, однако он знал, что на этот шаг их подвигли иные причины, а не нелюбовь к городу.

Большой обеденный стол, за который могло усесться десять человек, служил Фросту и рабочим столом. Сейчас он был завален бумагами. Еще на нем стояли фотографии. Семейные. Родители. Он и Дуэйн. Их сестра Кейти, гримасничающая в камеру на стадионе во время игры «Джайантс»[2 - Имеется в виду бейсбольный клуб «Сан-Франциско Джайантс»]. Это был ее последний снимок. Он напомнил Фросту о том, что близится день рождения Кейти. Они с Дуэйном обычно отмечали его вместе.

У той девушки с моста, у Люси, было много общего с Кейти. Она выглядела такой же свежей и милой. И вид у нее был такой же растерянный, словно она впервые в городе. И голоса у них звучали похоже, причем настолько, что если б он закрыл глаза, то мог бы без труда вызвать из памяти образ Кейти. Сейчас это было не таким уж легким делом...

Открытый «Макбук» спал, и, поев, Фрост вывел компьютер из режима ожидания. Экран засветился белым. Истон сходил на кухню и вернулся с бутылкой «Сьерра-Невада пейл эль». Потягивая пиво, он водил указательным пальцем по сенсорной панели и наконец нашел нужное ему видео.

Детектив уже десятки раз просматривал этот семиминутный ролик, кадр за кадром. Поэтому смотреть его сейчас смысла особого не было. Фрост прибавил громкости.

«Майк и Эвелин! Можете ли вы поверить в то, что отныне вы семейная пара?»

На видео, снятом «Айфоном» с расстояния вытянутой руки, появилось два непропорционально огромных лица. Щеки разругались от шампанского. Фросту были отлично видны ноздри и даже кусочки салата, застрявшие между зубов. На заднем плане диджей поставил ритмичную песню Блейка Шелтона. Был слышен звон бокалов, стук столовых приборов, гул голосов и смех гостей. Фрост столько раз смотрел это видео, что даже смог воссоздать все разговоры.

В надежде, что кто-то в зале сказал нечто, что могло бы объяснить случившееся.

Истон знал имена пары из видео, так как допрашивал обоих. Это были Джефф и Сэнди Барклай. Джефф приходился жениху двоюродным братом. Ни один из них не знал гостью по имени Моника Фарр. Она не имела никакого отношения к счастливым новобрачным; на торжество ее в последнюю минуту пригласил один из шаферов. Он познакомился с ней в химчистке за две недели до свадьбы и позвал ее с собой по чистой случайности. И именно из-за этой случайности девушка оказалась на торжественном приеме в честь бракосочетания Майкла Слоуна и Эвелин Арчер-Слоун. Она не была знакома ни с кем из присутствовавших.

«Классная вечеринка, ребята!» – заорал в камеру Джефф Барклай.

«А салат из киноа – просто пальчики оближешь!» – вторила ему жена, Сэнди.

Фрост хмыкнул. Ну разве какое-нибудь событие в Сан-Франциско может считаться полным без киноа? И органической капусты, естественно?

«Следующая остановка – медовый месяц! – вопил Джефф. – Аруба-мама! Секс на пляже, я правильно говорю?»

«Джефф, ш-ш!» – осадил его жена.

«Да ладно тебе, это же их медовый месяц. Помнишь нас? Я думал, что та кровать в Париже нас не выдержит!»

«Ш-ш-ш!» – снова сказала Сэнди и поцеловала мужа в губы, при этом камера дернулась, и они пропали из объектива, а когда появились, то оба были взъерошены и улыбались.

Фрост слышал музыку на заднем фоне. Блейк уже не звучал. Диджей перешел к нежным мелодиям семидесятых. Гости громко упрашивали Майка и Эвелин потанцевать и разразились радостными возгласами, когда молодожены вышли на танцплощадку.

«Я люблю вас, ребята!» – закричал Джефф.

«Ой, смотри, они танцуют! Быстро снимай их, поворачивай камеру!»

Джефф какое-то время вертел в руках свой смартфон, изображение то попадало в фокус, то расплывалось, и Фрост увидел смутные очертания черных туфель Джеффа. Когда тот снова поднял камеру, изображение задержалась, как будто у Джеффа не получалось держать камеру неподвижно. Истон увидел Пальмовый зал в Киноцентре. Белые колонны были увиты орхидеями. Между столами блестел паркет. Гости ели десерт и пили вино, пары – черные костюмы и вечерние платья – покачивались на танцплощадке. Он увидел, как Майкл Слоун, одетый в серый смокинг, обнимает Эвелин Арчер-Слоун в белом подвенечном платье с обнаженными плечами. Танцорами они были неважными, но в ритм попадали; оба лучились от счастья и прижимались друг к другу. То был их праздник.

Джефф Барклай дал изображение пары крупным планом.

Фрост поджал губы. Он знал, что последует дальше.

За пределами изображения Истон услышал женский крик. Вообще криков и шума было много – кто-то хихикал, кто-то визжал, кто-то хохотал. Но вот такой крик, как этот, Фрост слышал впервые – этот крик будто шел из глубины бездны, оттуда, где смерть предпочтительнее жизни. Он увидел, как Майкл и Эвелин разомкнули объятия и повернулись туда, откуда донесся крик.

По губам Эвелин он прочитал:

«Кто это?»

Услышал голос Сэнди Барклай:

«О господи! В чем дело?»

Крик перешел в вой банши[3 - Банши (бэнши) – особая разновидность фей в ирландском и шотландском фольклоре; издает пронзительные вопли, предупреждающие кого-либо о его близкой кончине.], но музыка продолжала играть как ни в чем не бывало. Диджей тоже был шокирован, причем настолько, что не сообразил выключить свою систему. Винные бокалы и фужеры для шампанского сыпались на пол и разбивались на мелкие осколки, когда гости вскакивали со своих мест. Грохотали упавшие стулья. Камера, дергаясь, переместилась на молодую рыжеволосую женщину в изумрудном платье с низким вырезом.

Моника Фарр.

Фрост остановил видео и вгляделся в ее лицо. Он видел и другие фотографии Моника – счастливой, улыбающейся. В отпуске. На выпускном. Но этот застывший кадр кардинально отличался от тех снимков. Даже будучи не в фокусе, выхваченная объективом на короткое мгновение, девушка всем своим видом напоминала загнанное животное. Ее глаза были широко открыты, взгляд – безумен. По словам шафера, приведшего ее на прием, до того момента она была абсолютно нормальной. Расстройство случилось неожиданно. На середине фразы.

Точно так же, как у Бринн Лэнсинг.

Фрост снова запустил видео. Моника схватила со стола свою сумочку и стала рыться с ней. Вдруг в зале раздались полные ужаса крики. Фрост увидел что-то темное в руке Моника, потом услышал:

«Пистолет!»

«У нее пистолет!»

Гости бросились врассыпную. Смартфон, продолжая снимать, упал на пол, и теперь в объектив попадали лишь потолок и полосы подсветки. Фрост услышал звуки, характерные для паники – топот ног, грохот падающих столов, – потом прозвучал выстрел, и раздался звон разбитого стекла, когда пуля попала в огромное, во всю стену окно. Кто-то завопил громче остальных – это снова была Моника Фарр, – а затем новый выстрел оборвал этот вопль: пуля вошла в голову Монике под левым ухом, разворотила мозг и, пробив череп, застряла в потолке.

Тело упало с глухим стуком. Фрост услышал шепот. Плач. Ошеломленное бормотание. Все случившееся заняло каких-то тридцать секунд.

Истон свернул файл и закрыл компьютер.

За два месяца, миновавших со смерти Монике Фарр, он переговорил со всеми, кто когда-либо появлялся в жизни девушки. Это ничего не дало. Детектив не обнаружил ни доказательств, что она принимала наркотики. Ни признаков депрессии. Ни случаев странного поведения. Моника была не замужем, в свои двадцать семь она жила с родителями в обычном городском доме недалеко от озера Мерсед и работала менеджером по маркетингу в одной бухгалтерской фирме в центре. Родители не знали, где и как ей удалось раздобыть пистолет. Вскрытие не выявило никаких отклонений, никаких новообразований, давивших на мозг, никаких инородных субстанций в кровеносной системе – в общем, ничего, что могло бы вызвать галлюцинации.

Фрост так и не смог найти какое-либо объяснение тому, зачем Моника Фарр выстрелила себе в голову на свадебном приеме.

Точно так же и у Бринн Лэнсинг не было никаких причин погибать при падении с моста.

Однако же полицейский был уверен, что эти два случая связаны.

Фрост встал из-за стола. Нужно поспать хотя бы пару часов. Насвистывая какую-то песенку, он поднялся в спальню. Раздевшись, бросил одежду в гардеробную, а потом включил свет и увидел на белом ковре бледно-розовые следы от пятен крови. Он уже пытался их вывести. Ничего не получилось. Потом Истон

неделями обходил их по большому кругу, направляясь к кровати. Сейчас же ему было на все наплевать. Он прошел по пятнам, как будто они были частью рисунка.

Но в свою двуспальную кровать Фрост не лег, а, прихватив подушку, спустился в гостиную и устроился на обитом твидом диване возле окна. Диван выпадал из общего стиля, так как это был единственный предмет мебели во всем доме, принадлежавший именно Фросту. Он заснул, уткнувшись лицом в подушку; одна рука свесилась до пола. Шак запрыгнул ему на спину и свернулся клубочком на шее. Через несколько секунд он тоже спал.

Глава 4

Вода.

Доктор Франческа Штейн налила в стакан воды и через смотровое окно устремила взгляд на пациентку в лечебном кабинете. Ее звали Джиллиан Кларк. Ей было четырнадцать. Каштановые волосы, веснушки и ласковая улыбка. Длинная, нескладная, как любой подросток, на футбольном поле она носится как ветер. В школе получает только отличные оценки. Хочет стать окулистом, потому что окулистом работает ее мама, а Джиллиан боготворит свою мать.

Девочка лежала в белом шезлонге в центре комнаты. Нажав кнопку интеркома, Франческа услышала тихую фортепьянную музыку. Хотя и с открытыми глазами, Джиллиан была под гипнозом. Изогнутая стена перед ней служила экраном, на котором в замедленной съемке чередовались цветы и другие растения. Обычно, чтобы расслабить пациентов, Фрэнки использовала видео океана, – но не с Джиллиан.

Вода была главной проблемой девочки.

Месяц назад, когда Фрэнки познакомилась с Джиллиан, они долго беседовали в рабочем кабинете, примыкавшем к лечебному. Говорили о мальчиках. О школе. О музыке. Об обычных составляющих жизни подростка.

А потом, бросив взгляд на мать Джиллиан, Фрэнки налила в стакан воды.

Реакция была неожиданной и ужасной.

Джиллиан стала судорожно глотать воздух. Из ее открытого рта вырвался сдавленный хрип, лицо покраснело. Грудная клетка перестала подниматься и опускаться. Так продолжалось до тех пор, пока Фрэнки не вылила воду в раковину, и как только вода исчезла, Джиллиан почти мгновенно стала самой собой. Она смеялась и вышучивала Тейлор Свифт. Она рассказывала, как на каникулах ездила с родителями в Диснейленд. Ни в ее умственном состоянии, ни в физическом не наблюдалось никаких последствий перенесенной травмы.

Фрэнки впервые в жизни сталкивалась с таким необычным случаем гидрофобии.

– Три месяца назад я взяла Джиллиан с собой, чтобы покататься на каяках возле моста Сан-Матео, – пояснила ее мать. – Мы попали в нестабильное течение, и ее лодка перевернулась. Джиллиан никак не могла вывернуться. Я гребла как сумасшедшая, чтобы поскорее добраться до нее, но прошла почти минута, прежде чем я вытащила ее из воды. Она почти захлебнулась. Врачи сказали, что никакой психологической травмы нет, но через несколько дней я заметила... в общем, я заметила, что от Джиллиан пахнет. И тогда сообразила, что с того случая она ни разу не принимала душ.

– Мне противно, когда меня касается вода, – вступила в разговор Джиллиан. – Как только я намокаю, мне кажется, что я опять там, в Заливе. И все повторяется. Я не просто все вспоминаю. Я оказываюсь там.

– С тех пор все хуже и хуже, – продолжала ее мать. – Вид воды способен вызвать новый приступ. Я ходила по врачам и психологам, но ни один не смог помочь. Мы в отчаянии, доктор Штейн.

Джиллиан перегнулась через стол и взяла Фрэнки за руку. В ее юных глазах читалась мольба.

– Я читала в одной статье, что вы большой специалист по памяти. Вы помогаете людям забыть плохое, ведь так? Пожалуйста, помогите мне забыть то, что случилось в Заливе!

Фрэнки пожала девочке руку.

– Я очень постараюсь помочь тебе, но это будет нелегко, Джиллиан. Чтобы изменить память, нужно пережить прошлое. Вот так это работает. То есть, чтобы все забыть, тебе придется вспомнить все в полной мере.

Глядя на Джиллиан через смотровое окно, Фрэнки вдруг поймала в стекле собственное отражение. Странно, как можно жить в собственном теле и видеть в зеркале отражение совершенно незнакомого человека. Вот уже несколько месяцев, как она чувствует себя чужой в своей жизни. Ее предупреждали, что так и бывает, когда теряешь отца. Чувствуешь себя пустой раковиной, выброшенной на песок.

«Зато у тебя есть воспоминания», – писали ей люди в открытках с выражением соболезнования. Фрэнки воспринимала эти слова как жестокую шутку. Она лучше кого-либо другого знала, что воспоминания ненадежны. Что воспоминания обманывают сознание.

Фрэнки было почти сорок. Короткая стрижка с несколькими длинными прядями за ушами подчеркивала красоту каштановых волос. На вытянутом лице с заостренным подбородком вполне естественно смотрелся узкий и слегка длинноватый нос. Фрэнки была одета в темный брючный костюм – наряд, который обычно предпочитают представительницы высшего руководства какой-нибудь фирмы, а не научные сотрудники или психиатры. Высокая и худая, она ходила на шпильках, чтобы казаться выше. Ее стройная, лишенная женственных форм фигура всегда привлекала внимание. В колледже и в медицинской школе судачили, что она больна анорексией. Это было неправдой. Такая конституция досталась ей по наследству: родители тоже были высокими и худыми, как она. Генетика, вообще-то, забавная штука. Ее сестра Пэм – она была на четыре года младше – имела практически идентичное лицо, зато ее фигура отличалась такими соблазнительными формами, что Фрэнки брала зависть. Мужчины провожали Пэм взглядами, и та относилась к этому благосклонно. Фрэнки же, такая же красивая, как и сестра, практически всегда отталкивала от себя мужчин. При виде ее им сразу становилось ясно: у нее мало времени на кого-то или на что-то за пределами ее сознания. Она умела взглядом своих темных глаз ставить людей на место. Ее муж, Джейсон, единственный осмеливался противостоять ей в лаборатории или в спальне, однако их отношения зиждились скорее на единомыслии, чем на страстной любви. Всю свою страсть Фрэнки тратила на помощь родителям, что отнюдь не способствовало счастливой

семейной жизни.

В своей терапевтической практике она работала с детьми вроде Джиллиан, такими, у кого развились различные деформирующие фобии. Еще работала с солдатами, которые возвращались с заморских театров боевых действий, где им довелось столкнуться со всеми ужасами войны. Еще работала с жертвами физического и эмоционального насилия, а иногда и с самими злоумышленниками. Преступниками. Социопатами. Кто бы ни были эти люди, их объединяла одна общая черта.

Всех их преследовали воспоминания, и им хотелось изгнать свои призраки.

Фрэнки тихо вошла в кабинет к Джиллиан. Здесь больше, чем в любом другом месте, она чувствовала себя как дома. Пол был застлан ковром, чтобы поглощать посторонние звуки, в стены были встроены акустические экраны. Днем и ночью здесь поддерживалась постоянная температура двадцать два и две десятых градуса. Встроенные динамики позволяли связываться с пациентом извне – все зависело от пациента, – но с детьми, как с Джиллиан, она предпочитала сидеть рядом. Огромный, от пола до потолка, экран, почти такой же, как в кинотеатре IMAX, с разрешением 4K, создавал мир, в котором предстояло обрести форму тому, что видел и помнил мозг пациента.

Фрэнки подгоняла зрительный ряд на экране под потребности каждого человека. Джиллиан смотрела видео, которое Фрэнки сделала специально для нее. Распустившиеся и готовые распуститься цветы. Три еще не развернувшихся листика. Одного девочка не знала: каждые несколько секунд на экране появлялся изолированный образ воды. Он исчезал так быстро, что глаза девочки не успевали заметить его. А вот мозг видел. В первый сеанс Фрэнки заметила, как крепко Джиллиан сжала подлокотники шезлонга, когда образ воды проник в ее мозг. На подсознательном уровне ее напряжение росло, однако она не задышалась. Образы воды, видимые ее мозгом, были радостными. Купальщики. Серферы. Смех на пляже. А потом она сама – в бассейне, в океане, на каяке... Целая и невредимая.

– Привет, Джиллиан, – ласково произнесла Фрэнки.

– Привет.

Взгляд девочки был прикован к экрану. Она отличалась большой восприимчивостью к гипнозу, что было хорошо. Со взрослыми пациентами было сложнее; чтобы они «отпустили» свое сознание и раскрылись, Фрэнки приходилось давать им седативные препараты. А вот с детьми она так поступала редко.

– Как себя чувствуешь?

– Хорошо. Хорошо.

– Тебе удобно?

– Да.

– Замечательно. Настало время вспоминать. Ты готова?

– Конечно.

– Ты знаешь, как мы будем это делать. Ты смотришь на свои воспоминания своими же глазами. Ты подробно рассказываешь мне все, что видишь, и все, что слышишь. Как будто ты там, как будто все происходит снова. Но на самом деле ничего с тобой не происходит. Ты просто наблюдатель. Ты в стороне. Поняла?

– Ага.

– Если ты не сможешь правильно понять какую-то деталь, я помогу тебе, исправлю ее, потому что хочу, чтобы ты абсолютно точно вспомнила, как все было. И что бы я тебе ни говорила, знай: это правда о том, что случилось. Очень важно, чтобы ты именно так все и запомнила. Ясно?

– Ясно.

В последний месяц они повторяли это упражнение множество раз на каждом сеансе и на множестве сеансов. И на каждом следующем сеансе Фрэнки слегка меняла детали того, что помнила Джиллиан о том дне в заливе. Люди считают, что воспоминания неизменны, но это очень далеко от истины. Каждый раз, когда человек берет воспоминание с полки и кладет обратно, он его меняет. У

психиатров есть название для этого процесса. Реконсолидация. Ее муж Джейсон – невролог, и он может описать этот процесс языком химии, как белок синтезируется в мозгу. А главное тут то, что каждое оживленное воспоминание похоже на мягкую глину. Пока оно у тебя в руках, можно слепить из него что-то новое.

– Ты готова? – спросила Фрэнки.

– Да.

Фрэнки нажала кнопку на пульте управления, и изображение на экране переключилось на другую череду образов. Она сама сняла этот видеоряд в Заливе, неподалеку от моста Сан-Матео, с приглашенными актерами в каяке. В кадрах были волны и вода. Обтянутые перчатками руки, сжимающие весло, и утлое суденышко, скользящее по бескрайней глади. Погода стояла великолепная, в голубом небе ярко светило солнце. Играла музыка – та же, что звучала из динамиков над головой. Та же, что Фрэнки включала на всех сеансах с Джиллиан. Эта музыка обладала властью над сознанием.

– Расскажи мне о том дне, – сказала она девочке.

Джиллиан приступила к рассказу. Точно так же, как десять раз до этого, она во всех подробностях описывала их с матерью поездку. В первый раз, несколько недель назад, эмоциональная травма стала проявляться у нее, когда Фрэнки сфокусировала внимание девочки исключительно на расслабляющих образах воды. В следующий раз, через неделю, она позволила Джиллиан вспомнить случившееся, но вынудила ее поверить в то, что мать оказалась рядом практически сразу и выровняла лодку. Никакой опасности не было.

Сейчас же ей хотелось полностью отделить Джиллиан от случившегося. Это был последний этап лечения, разработанного ею для девочки.

– Меня несет течением, – дрожащим голосом произнесла Джиллиан. – Откуда оно взялось? Я не могу управлять лодкой.

– Не беспокойся. Все ты можешь.

- Нет, она переворачивается... Мне страшно. Я не могу выбраться. Мама!

- Это не ты, Джиллиан, - сказала ей Фрэнки. - Это кто-то другой.

- Я уйду под воду!

- Нет, это не ты. Присмотрись внимательнее. Рядом еще один каяк. Видишь его? Вот та девушка в беде, а ты в безопасности.

Фрэнки указала на экран, где девушка в каяке гребла веслом. Врач создала абсолютно другую версию случившегося, и Джиллиан предстояло увидеть ее и запомнить. Другой каяк - вымышленный - сильно раскачивался на волнах. Над ним нависал мост Сан-Матео, высокий и серебристый.

- Видишь? Это не ты, Джиллиан. Это кто-то другой. С тобой всё в порядке. Ты отлично удерживаешь лодку.

- Она перевернется!

- Да, но твоя мама успеет помочь ей.

- Я вижу ее!

- Да, она на месте. Помогает. Всё в порядке. Видишь, лодка выправилась, и девушка сидит спокойно.

- Да.

- Теперь все в безопасности.

- У всех всё в порядке, - сказала девочка.

- И у тебя всё в порядке, правда, Джиллиан?

- У меня всё в порядке.

– Отлично. Давай-ка ты расслабишься на несколько минут, а потом мы всё повторим.

– Конечно.

В течение следующего часа они повторили воспоминание четыре раза. На третий раз Фрэнки уже не было надобности делать подсказки. Джиллиан рассказала историю от начала до конца, и ее уже не мучил страх перед тем, что каяк перевернется. Она уверенно управляла лодкой. А вот у другого каякера лодка перевернулась, девушка на короткое мгновение оказалась в воде, но мама Джиллиан успела прийти на помощь.

Теперь все это стало ее реальностью. Ее воспоминанием.

Для Фрэнки ужасная ирония состояла в том, что ее пациенты забывали прошлое, а она хранила все их тайны в своей голове. Она все еще ощущала панику Джиллиан, когда девочка задохнулась под водой. Одной мысли об этом было достаточно, чтобы почувствовать тяжесть в груди и желание глотнуть воздуха. Так происходило с каждым пациентом, будь то солдат или ребенок. Она слышала вой каждой бомбы, видела вывалившиеся кишки каждой жертвы, сжималась от прикосновения каждого негодяя. Создавалось впечатление, будто все их воспоминания перешли к ней.

Когда сеанс закончился, Фрэнки оставила Джиллиан в лечебном кабинете, чтобы та поспала, прежде чем выводить ее из гипноза. Она оставила музыку, а на экране включила видеоряд с цветами. Снаружи ждала мать девочки. На ее лице отражалась тревога, в глазах застыл вопрос. Фрэнки улыбнулась.

– Кажется, получилось, – сказала она. – Скоро узнаем.

Десять минут спустя Фрэнки через громкоговоритель разбудила девочку. Полностью придя в себя, та вышла из кабинета, потянулась, зевнула и радостно посмотрела на мать.

– Привет, – сказала Джиллиан. – Давно ждешь?

– Нет, всего чуть-чуть, – ответила женщина и, встав, обняла дочь.

– Джиллиан, хочешь пить? – спросила Фрэнки. – Я тут налила тебе воды.

Она указала на стакан с водой, стоявший на стеллаже возле двери. Заметила, как мать девочки затаила дыхание и напряглась. Джиллиан перевела взгляд на стакан. И дернула головой. Потом сделала глубокий вздох – и замешательство исчезло, как легкое облачко.

Она расслабилась и улыбнулась, очаровательно сморщив веснушчатый носик.

– Ой, спасибо. Пить ужасно хочется.

Джиллиан взяла стакан и выпила его до дна.

Глава 5

– Просто не верится, что Бринн больше нет, – не в первый раз проговорил Габриэль Техада.

Фрост и юрист из Саусалито стояли в конце Джонсон-стрит, недалеко от причала, возле которого покачивались парусные суда. Вдали виднелись коричневые холмы Тибурона. В этом небольшом ответвлении рая, находившемся к северу от Золотых Ворот, жили только те, у кого денег было больше, чем у бога. Даже богу было не по средствам купить здесь жилье с этими великолепными видами.

– Сочувствую вашей утрате, – сказал Фрост. Он ненавидел эту фразу. Банальность, но сказать больше нечего.

– А родители Бринн знают?

– Да, я вчера говорил с ними.

Нет на свете худшей обязанности, чем среди ночи будить родителей и рассказывать им о смерти дочери. Фрост знал это лучше кого-либо. Мать и отец

Бринн Лэнсинг обезумели от горя – так всегда бывает с родителями. Никаких объяснений для них у него не было. Ничего более-менее вразумительного. Еще вчера с твоей дочерью все было в порядке – и вот она камнем падает с Оклендского моста...

– Я любил ее, – сказал Техада. – Я ей еще не признался, но любил.

Приятель Бринн облокотился на деревянные перила и устремил взгляд в воду. Волны бились о пирс. Легкий бриз поигрывал такелажем, создавая постоянный мелодичный фон.

Техада был крупным мужчиной, широкоплечим, атлетического сложения. Фрост тоже был не маленький, ростом пять футов и одиннадцать дюймов, но Габриэль возвышался над ним на целых четыре дюйма. Его костюм-тройка был довольно необычной одеждой для Калифорнии, даже для юриста. Медного цвета кожа блестела на солнце. Облик дополнялся торчащим носом и черными, как вороново крыло, волосами, смазанными бриллиантином. Он не расплакался, когда узнал о смерти Бринн, но Фрост по его лицу видел, что им владеет глубокая печаль.

– Как давно вы знакомы с Бринн? – спросил он.

– Около четырех месяцев. Мы познакомились незадолго до Рождества. Между нами будто проскочила искра. Я прежде никогда не испытывал ничего подобного. Никто не знает, как сложатся отношения, но с ней я был уверен, что у нас есть будущее. Я просто не могу поверить в то, что Бринн покончила с собой. Кто угодно, только не она.

– Все это не выглядит обычным самоубийством, – сказал Фрост. – У нее случился психологический срыв.

Техада покачал головой.

– Все это какая-то бессмыслица. Бринн любила жизнь. Я никогда не видел, чтобы она впадала в скрытую, глубоко запрятанную депрессию. Едва ли на свете существовала более уравновешенная женщина.

– Когда вы в последний раз виделись с Бринн? – спросил Фрост.

Техада повернулся спиной к гавани и лицом к забитой толпами туристов главной улице приморского городка. Сунув руки в карманы, он задумчиво нахмурился.

- Четыре дня назад. Она осталась у меня.

- А после этого вы с ней разговаривали?

- Два дня она не отвечала на мои звонки и сообщения. Я уже было решил, что она отшила меня. Я подумывал о том, чтобы она переехала ко мне, и опасался, что она пока что не готова к этому шагу. А вчера Бринн вдруг написала мне сообщение и сказала, что все отлично. Мы планировали уехать на выходные.

- Она не говорила, что в ее жизни происходит нечто необычное? Не упоминала какую-нибудь проблему?

- Нет. Ничего в таком роде.

- Ее соседка, Люси Хаген, сказала, что вчера вечером они с Бринн поехали на вечеринку в Аламеду. Вам что-то об этом известно?

- Да, я тоже должен был поехать с ними. Но мне понадобилось срочно встретиться с клиентом. Вечеринку устраивал мой сокурсник с юридического факультета, он собственный юрисконсульт в «Оракле». - Заметив, что Фрост улыбнулся, Техада добавил: - Вечеринка юристов, инспектор, не так уныла, как кажется, когда есть деньги. Если я не ошибаюсь, он пригласил Игги Азалию. Там собрались молодые, красивые люди. Как Бринн.

Фросту не хотелось признаваться в том, что он не знает, кто такая Игги Азалия.

Хотя Истон и был молод, он гордился тем, что не гоняется за модой. Он знал необузданную сторону жизни Сан-Франциско, но никогда не присоединялся к толпе. Он был холост и мирился с этим статусом. Дуэйн, брат, периодически пытался наладить его личную жизнь, да и Фрост получал множество предложений, так как женщин в нем привлекало сходство с Джастином Тимберлейком[4 - Джастин Рэндалл Тимберлейк (р. 1981) - популярный американский певец, автор песен, композитор, продюсер, танцор и актер.]. Чаше он отвечал отказом. Иногда все же ходил на свидания, однако они так и

заканчивались ничем. И дело было вовсе не в том, что серьезные отношения его не интересовали. Просто ему нравилось одиночество. Если выпадал свободный вечер, Фрост обычно проводил его в одном итальянском ресторанчике в двух кварталах от дома вниз по Рашн-Хилл, где читал книги по истории. Владелец ресторана разрешал ему брать с собой Шака.

– А Бринн было неловко появляться на вечеринке без вас? – спросил Истон.

– Бринн никогда не испытывала неловкость. Она в любом месте чувствовала себя в своей тарелке. А вот кто мог испытать неловкость, так это Люси. Она своего рода хрупкий цветок. Если б кто и слетел с катушек, то я поставил бы на Люси, а не на Бринн. Вот у нее срыв мог бы быть.

– Ваш друг-юрист, на его вечеринках можно разжиться наркотиками?

Техада пожал плечам.

– Марихуаной? Возможно. Чем-то пожестче? Едва ли. А у Бринн не было времени вообще ни на какие наркотики. Это было не в ее духе.

– Так и Люси говорила. И родители Бринн.

– Да, они правы, – согласился Техада. – Я не могу объяснить, что с ней случилось, но наркотики можете полностью исключить.

Фрост не был так в этом уверен. Люди умеют ловко скрывать свои тайны от близких, чего бы эти тайны ни касались – интимных связей, алкоголя или наркотиков.

– Пару месяцев назад произошел такой же инцидент, – сказал Истон. – У женщины на свадебном приеме случился кратковременный реактивный психоз. Она застрелилась. Как и у Бринн, нестандартное поведение началось на пустом месте. Я пытался выявить какие-то общие звенья в их жизни, чтобы найти объяснение, которое помогло бы понять случившееся с ними. Но все впустую.

Техада кивнул.

– Я помню этот случай, читал в газетах. Мы с Бринн обсуждали его.

– И что она говорила?

– Что все это странно и дико. Мы оба, как и вы, пришли к предположению, что дело в наркотиках.

– А она не упоминала о чем-нибудь, что могло бы выявить связь между ней и той женщиной?

– Сожалею, но нет.

– Дело в том, мистер Техада, что такое поведение обычно имеет объяснение, но друзья и родственники часто упускают из виду важные свидетельства. Потом они оглядываются и вспоминают мелочи, которые оказываются важными в свете того, что случилось. С Бринн что-то такое было?

Техада долго молчал. Он сложил руки на груди и уставился на свои ботинки. Юристы не дают необдуманных ответов. Фрост знал об этом, потому что сам был юристом. К тому же за долгие годы в полиции ему довелось работать со множеством законников, и если ему и нравилась в них какая-то черта (большая часть черт ему не нравилась), так это то, что они никогда не отвечали на вопрос, не обдумав тщательно свой ответ.

Наконец Техада произнес одно слово, и оно оказалось совершенно неожиданным для Фроста:

– Кошки.

Истон не поверил своим ушам.

– Что?

– Инспектор, вы любите кошек?

– Ну да, – ответил Фрост.

– Я тоже. У меня их четыре.

– Ясно, – сказал полицейский, ничего не понимая.

– Бринн до смерти боялась кошек, – продолжал Техада. – Когда мы познакомились, она и пяти минут не могла провести в моей квартире. Она ненавидела кошек, не терпела их присутствие. Люди, которые не привыкли жить с кошками, часто не понимают их, но у Бринн фобия была гораздо глубже. Когда я спросил ее об этом, она ответила, что в детстве имела печальный опыт общения с дикой кошкой. Ее сильно покусали. Ей пришлось пройти через курс болезненных уколов против бешенства.

– Я не понимаю связь, – признался Фрост.

– Инспектор, вы спрашивали о свидетельствах. Вы спрашивали о чем-то необычном. Это единственное, что я считаю необычным.

– То, что Бринн боялась кошек?

Техада покачал головой:

– Нет, странное в другом. Из-за кошек мы с ней обычно встречались в ресторанах, а не у меня дома. Если нам хотелось провести вместе ночь, я снимал номер в гостинице. А потом, в прошлом месяце, она вдруг заявила ко мне в субботу вечером. Я ушел на кухню, чтобы открыть вино, а когда вернулся в гостиную, обнаружил, что она лежит на полу и играет с моими кошками, разрешает им забираться на нее... С тех пор у нее с моими кошками не было никаких проблем.

– Вы задавали ей вопрос по поводу того случая?

– Естественно. Она ответила, что не хочет, чтобы мои кошки встали между нами, и обратилась за помощью к психиатру, чтобы тот помог ей избавиться от страха.

– Очевидно, все получилось.

– Да, я тоже так думаю. Я радовался, что она решилась на такой важный шаг ради наших отношений. Но одна вещь меня смутила. На прошлой неделе я пошутил насчет той дикой кошки, что покусала ее. Бринн была явно озадачена – стала уверять меня, что ничего подобного не было. Я в подробностях рассказал ей ту историю; она расстроилась, сказала, что я ошибаюсь, и попросила прекратить этот разговор.

– И вы прекратили.

Техада печально усмехнулся.

– Естественно, прекратил. Я радовался, что она полюбила кошек. Но я не ошибался. Она действительно подверглась нападению кошки. Сначала, инспектор, я решил, что Бринн просто больше не хочет об этом вспоминать, но все оказалось иначе. Такое впечатление, будто та история полностью стерлась из ее памяти.

Глава 6

На своем столе Фрэнки держала одну открытку с соболезнованиями по поводу смерти отца. Все остальные послания она давно выкинула. Открытка была даже не от близких друзей – Фрэнки мало кого могла назвать близким другом. Ее прислала женщина, коллега из совета директоров одной некоммерческой организации. Фрэнки сохранила открытку в качестве напоминания о том, как сильно могут ошибаться люди.

Женщина написала:

Мой отец был для меня величайшим героем.

Я знаю, как вам тяжело.

Если б это было правдой! Люди считают, что когда ты теряешь одного из родителей, тобой не могут владеть какие-то иные чувства, кроме чистой скорби. Они забывают о сложностях отношений. А то, что отношения между Марвином Штейном и его дочерью были сложными – это еще мягко сказано.

У Фрэнки на столе стояла фотография отца. Когда она взяла ее в руки, у нее в голове тут же зазвучал голос отца, бесстрастный и настойчивый. Одетый в белый халат, отец был запечатлен в физической лаборатории Калифорнийского университета в Беркли. Как и дочь, он был высоким и худым. Вьющиеся седые волосы, аккуратные усы. Отец не улыбался, в глазах его отражалось нетерпение. Он никогда не любил фотографии с эмоциональными излишествами. В тот день, когда Фрэнки фотографировала его камерой своего смартфона, отец сказал: «Побыстрее, поторопись».

Мать умерла от рака, когда Фрэнки было пять, через год после рождения Пэм. С тех пор в семье их осталось трое. Марвин Штейн, физик, не был создан для роли отца-одиночки. Он имел дело с числами, теориями и формулами, а не с детьми. И тем более с девочками.

Пока сестры были маленькими, отношения с отцом складывались нелегко, но стало еще хуже, когда они учились в школе и в колледже. Отец требовал от них совершенства. Все, кроме «отлично» и верхних строчек в списках победителей различных олимпиад, было провалом. Будучи успешным физиком, он заставлял дочерей делать больше и добиваться большего. Мало что могло его удовлетворить. В ответ на это, чтобы заслужить его похвалу, Фрэнки ставила перед собой высочайшие цели. Пэм же отвечала неповиновением и намеренно бросала ему в лицо свои неудачи.

И вот теперь его нет. Прошло более трех месяцев, а он все терзает ее.

– Опять думаешь о Марвине? – спросил Джейсон.

Муж, уперев руки в бока, стоял в дверном проеме кабинета. Он был одет в спортивный костюм, на его узком лице блестел пот.

– Да, все думаю о последнем туристическом походе, – ответила Фрэнки, вертя фотографию в руках.

– Сколько б ты ни думала, случившееся уже не изменишь, – сказал Джейсон.

– Ох, знаю...

Джейсон сел в удобное кресло перед письменным столом. Он работал в двух кварталах отсюда, на Пост-стрит, в главном управлении большой фармацевтической компании, и часто во второй половине дня, выходя на пробежки, забегал к ней, в ее кабинет, расположенный на верхнем этаже десятиэтажного здания, стоящего на восточной стороне Юниор-сквер.

– Как не изменить и того факта, что Марвин был большим мерзавцем, – добавил Джейсон.

Губы Фрэнки растянулись в слабой улыбке.

– Я и это знаю.

– Ты как себя чувствуешь? – с врачебными интонациями осведомился он.

Они оба были учеными. Иногда от них требовалось усилие, чтобы вспомнить, что они также муж и жена. Когда они о чем-то разговаривали, Фрэнки все время ждала, что Джейсон вот-вот достанет желтый блокнот и станет делать пометки.

– Неважно.

– Можно уточнить?

– Нельзя. Со мной что-то не так, Джейсон, но я не понимаю, что именно.

– Думаю, это называется скорбью.

Он был прав, но от этого ей не становилось лучше. Другой муж вылез бы из кресла и обнял бы ее, но тогда это был бы не Джейсон, да и отношения были бы другими. Их же отношения лишены всяких телячьих нежностей.

Они познакомились семь лет назад на конференции в Барселоне. Джейсон приехал из Англии. Им обоим было чуть за тридцать. Вначале их общение было исключительно профессиональным, но Фрэнки сразу обратила внимание на красивого молодого человека с атлетической фигурой, коротко подстриженными черными волосами и пронизательным взглядом темных глаз. Его выразительный рот мгновенно реагировал на любую эмоцию, от веселья до презрения. Его лицо как бы состояло из острых углов, и таким же был его характер. Фрэнки это нравилось. Она ненавидела мужчин, которые пытались ухаживать за ней.

После конференции они продолжили общение, так как оба специализировались на памяти. Он изучал ее с точки зрения неврологии, мозговой химии; она же – с точки зрения терапии. Девять месяцев спустя Джейсон перешел на должность исследователя в фармацевтическую компанию в Сан-Франциско, и их профессиональные встречи постепенно переросли в свидания. Еще через год они поженились, к удивлению Пэм, которая считала, что Фрэнки никогда не согласится покинуть свой лечебный кабинет ради свидания с женщиной.

Фрэнки нашла себе в мужа точную копию самой себя. Человека умного, требовательного, лишеного эмоций. А может, время от времени мысленно говорила себе женщина, она сделала то же, что и множество женщин, – вышла замуж за копию своего отца.

– Ты рассказывала, что незадолго до его смерти вы сблизились, – напомнил Джейсон.

– Знаю. Я до сих пор так считаю.

– А помнишь почему?

Фрэнки все помнила. Тот турпоход врезался в ее память, как фотоснимок. Для нее, Пэм и отца это мероприятие было ежегодным еще со времен их с сестрой детства. В канун Нового года они уезжали в государственный заповедник в Северной Калифорнии и проводили там две ночи. Жили они на Энджел-Айленд, а уезжали далеко на север от Юрики, в национальный парк Редвуд. То было семейной традицией, но отец имел обыкновение превращать эти турпоходы в интеллектуальные упражнения. Он выбирал темы для дискуссий. Он составлял для них список трудов для прочтения, а потом экзаменовал их, как университетский профессор. С годами темы усложнились и стали затрагивать

политику, науку и экономику. Политика минимальной заработной платы. Внепланетная жизнь. Неистребимые привычки. Ледники Аляски.

В этом году тема получила неожиданное направление. И называлась она «Риск». Столь странный выбор темы стал трагической иронией в свете того, что случилось с ним.

– В тот последний вечер он был совсем другим, – ответила Фрэнки. – Возможно, потому, что в этом году мы пошли в поход вдвоем. Отец расслабился. Мы говорили о маме. Перед сном он признался, что гордится мною. Я всю жизнь ждала от него таких вот слов.

– Ну ты и получила что хотела, – заметил Джейсон.

Фрэнки устремила взгляд в окно. Десятью этажами ниже она видела толпы людей на Юнион-сквер.

– Да, он мог бы сказать, что любит меня, и это подразумевало бы, что он гордится мною.

Джейсон расслышал в ее голосе сомнение.

– Так что не так?

– Не знаю. Я просто... не знаю.

– Фрэнки, еще не прошло и четырех месяцев. Это малый срок, когда теряешь родителей. Не мучай себя.

– Ты прав. – Покачав головой, она добавила: – Пэм совсем не переживает.

– Даже если б она была там, ничего не изменилось бы, – напомнил ей Джейсон. – Марвин относился к ней по-другому.

– Знаю.

- Может, вы сблизились, потому что были вдвоем, – предположил муж.
- Я думала об этом, но меня тут же начинают мучить угрызения совести.
- Ты не могла предвидеть, что случится.
- Да.

В Новый год отец проснулся рано, на восходе, что было типично для него. Он приготовил кофе, а потом отправился на длительную прогулку вдоль отвесного обрыва на Пойнт-Рейес. Отец велел Фрэнки остаться в лагере, что было для нее сюрпризом. Обычно он поднимал ее и Пэм ни свет ни заря и требовал, чтобы они вместе с ним шли на раннюю прогулку. То, что вечером все легли спать поздно, значения не имело. Отец пошел на север от Арк-Рок, туда, где берег представлял собой отвесный утес над россыпью камней и водами залива. Всю ночь лил дождь. Напитавшаяся водой почва была ненадежной и осыпалась.

Несколько часов спустя, когда отец так и не вернулся, Фрэнки вызвала спасателей. Они нашли тело Марвина Штейна под утесом...

Джейсон посмотрел на часы.

- Мне пора на работу. Вы с Пэм сегодня идете ужинать в «Зингари»?
- Наверное. Тебя подождать?
- Нет, я сегодня поздно.
- Ладно.

Джейсон встал и внимательно взгляделся в ее лицо.

- Ты все еще чувствуешь себя неважно?
- Да, я не могу точно сказать, что это такое. – Она снова устремила взгляд в окно и, не поворачиваясь к Джейсону, спросила: – Ты думаешь, он?..

Джейсон выждал, но Фрэнки не продолжила. Тогда он ответил, потому что понял, что ей трудно сформулировать свой вопрос.

– Нет, я не думаю, что Марвин покончил с собой, – сказал он. – Он не из тех, кто мог бы отнять жизнь у себя самого. То был несчастный случай. Утесы опасны. Он сорвался вниз.

Глава 7

Фрост услышал шаги – Люси Хаген спешила открыть ему дверь квартиры, которую делила с Бринн Лэнсинг.

– Ой, Фрост, здравствуйте, – сказала она и просияла, а потом поправилась: – Извините, инспектор.

Истон ответил ей дружеской улыбкой.

– Все нормально, давайте по имени и на «ты».

– Проходи.

Он переступил порог и оглядел квартиру. Смотреть особо не на что. Квартира была однокомнатной и располагалась в старом здании, стоявшем на том конце Хейт-стрит, что ближе к Октавии. Большое окно выходило на улицу. Три ступеньки вели в санузел, где Фрост увидел унитаз и душевую кабинку. Кухня оказалась настолько крохотной, что ее можно было бы разместить в багажнике его «Субурбана». Из двух двуспальных кроватей одна была заправлена, другая – нет. На стенах висели модные постеры, закрепленные канцелярскими кнопками. Квартира была буквально набита мебелью и одеждой.

– Не Си-Клифф, да? – сказала Люси. – Хотя когда я плачу за аренду, у меня создается именно такое впечатление.

– Сан-Франциско – дорогой город.

- Не то слово. Даже не знаю, откуда люди берут деньги. К нам, в ювелирный отдел «Мейсис», иногда приходят за покупками супербогатеи. Такова жизнь, да?

- Они могут себе это позволить, - сказал Фрост. - Я видел, что деньги делают с людьми. Не очень приятное зрелище.

- Ну не знаю... Я была бы не прочь попробовать пожить такой жизнью. А у копов с жалованьем всё в порядке, верно?

- О нас заботится профсоюз.

- Здорово, наверное... А вот обо мне никто не хочет заботиться. Нет, я не говорю, что вы, ребята, этого не заслужили. Заслужили. - Люси покачала головой. - Прости, я совсем разболталась, несу какую-то чушь...

- Не переживай. И давно ты тут живешь?

- Два года. Теперь надо искать соседку, иначе придется переезжать. Я позвонила своим родителям, рассказала, что случилось, и они считают, что мне следует уехать из города. Они считают, что здесь небезопасно. Не знаю, может, они и правы, но я бы страшно скучала по Сан-Франциско. Ты меня понимаешь?

- Понимаю.

- А ты? Ты давно здесь живешь?

- Всю жизнь.

- И где?

Фрост колебался. Он не обсуждал аспекты своей личной жизни. Он вообще нелегко выдавал свои тайны. Но с Люси было легко, и этому способствовала ее милая, немного неуклюжая манера. Она была обычной девушкой с обычной жизнью, и именно это и нравилось Истону. Живым, бьющимся сердцем Сан-Франциско были люди, которые рано вставали, шли на работу, обедали, ужинали едой навынос, смотрели по телевизору матчи «Джайантс» и ложились спать. Такие люди, как Люси.

Такие, как Кейти.

Он понял, что Люси готовилась к его приходу. Она подкрасила глаза и губы, уложила волосы. И одета была для выхода в город, а не по-домашнему. Все это Люси сделала не просто так. Она хотела произвести на него впечатление.

- У меня не совсем обычная ситуация, - ответил Фрост. - Я живу на Рашн-Хилл.

- Ого, - произнесла девушка. - Здорово.

- Дом не мой. Он принадлежит Шаку.

Люси изумленно уставилась на него.

- погоди, ведь Шак - это...

- Мой кот.

- Ты снимаешь дом у своего кота?

- Точно. Он отличный домовладелец.

Люси сложила на груди руки. На ней был белый свитер, который оттенял красивые каштановые волосы. Укороченные брючки подчеркивали стройность тонких щиколоток.

- Ты издеваешься надо мной.

- Ничего подобного.

- Тогда расскажи всю историю. Ты меня заинтриговал.

Усмехнувшись, Фрост сунул руки в карманы.

- Ладно, расскажу. Примерно год назад меня вызвали на незаконное проникновение в жилище. Богатая старая вдова, красивый дом на Рашн-Хилл. Ее застрелили в спальне. У людей из службы перевозки возникли проблемы со старушкиным котом, который сидел у нее на груди и никого не подпускал к ее телу. Шипел, бросался на них с выпущенными когтями. Он защищал ее. Я же вырос с кошками, поэтому решил попытаться. Я просто поговорил с ним.

- Ты поговорил с котом?

- Да. Я сказал ему, что сожалею о смерти этой женщины, что он очень отважно защищает ее, но что ничего поделать нельзя. В конечном итоге он спрыгнул с тела и подошел ко мне, забрался по ноге и свернулся калачиком у меня на плече. В общем, признал во мне своего.

Люси сморгнула слезы. Истории про кошек часто так действуют на женщин.

- Наши люди хотели отвезти его в службу ветконтроля, но я сказал, что позабочусь о нем, пока будет идти расследование. Уже потом я связался с поверенным той старушки и спросил, согласен ли кто-нибудь из родственников забрать кота. Поверенный ответил, что никого из родственников нет. Тогда я спросил, можно ли мне взять кота себе. Поверенный с подозрением посмотрел на меня и спросил, известно ли мне что-нибудь об имуществе старушки. Вопрос показался мне странным. Я ответил, что нет, что я просто хочу забрать кота. Через час - все это время я чувствовал себя как на допросе - выяснилось, что по завещанию дом переходит в трастовое управление к одному банку на все то время, пока Шак жив, и тот, кто возьмет на себя заботу о коте, сможет жить в доме за один доллар в месяц. Старушка хотела быть уверенной в том, что кто-то будет ухаживать за ее котом, вот и придумала такой чудной стимул. Самое забавное то, что я был готов забрать его за так.

- М-да, история...

- Вот и получается, что полицейский снимает дом у своего кота.

- Неужели все это правда? Или ты понял, что мужчина с котом притягивает девушек, как магнит?

– Если честно, то я действительно обнаружил это, но в истории все правда. Правда, мне пришлось поменять ему имя.

– Зачем?

– Ну старушка звала его Сеньор Бабблз. Нам обоим это имя показалось немужским.

Люси рассмеялась.

– Да уж, верно.

Она прикусила нижнюю губу и стала кокетливо наматывать на палец прядь волос, однако кокетничать она не умела. Фрост знал, что нравится ей. Она тоже ему нравилась, но по другим причинам. Люси была настоящей, а он в Сан-Франциско встречал множество людей, в которых не было ничего настоящего. Для него не имело значения, что она говорит; ему просто нравилось ее слушать.

– А у тебя? – спросил он. – Какая история у Люси Хаген?

Девушка покраснела и отвела взгляд.

– О, у меня скучная история.

– Сомневаюсь. История любого человека интересна. Ты выросла здесь?

– Нет. В Модесто. Я поступила в Университет Сан-Франциско и хотела остаться в городе после колледжа. Но никто не хотел брать на работу выпускницу факультета бизнеса, так что я подала заявление в «Мейсис». А я, между прочим, мечтала стать такой же, как Дженнифер Энистон в «Друзьях». Самостоятельно пробиться к вершинам модного бизнеса. Но моей мечте не суждено сбыться. Не знаю... Я подумывала о том, чтобы вернуться и выучиться на средний медперсонал, только я по уши в долгах. Вся экономия летит к черту, когда у тебя нет кота с домом в наследство.

Фрост улыбнулся.

- А ты не хочешь последовать примеру Бринн? Заарканить богатого адвоката?

Люси закатила глаза. Истон догадался, что в отношениях Люси и Бринн присутствовала определенная доля зависти.

- Да, когда дело касалось мужчин, она всегда присматривала себе самые лакомые куски. Чем богаче, тем лучше. Я не осуждаю ее за это. Они с Габом отлично смотрелись вместе. Уверена, со временем они поженились бы и поселились в очаровательном домике на холмах. Что до меня, то я хочу понять, что представляю собой, прежде чем ввязываться в серьезные отношения.

- Неплохой план.

- Может быть, но у меня что-то плохо получается.

Фрост прошел к кровати Бринн. От постельного белья пахло элегантными духами. Кровать была аккуратно застелена, все складочки тщательно расправлены. На прикроватной тумбочке не было ни пылинки; книги - все любовные романы - были разложены на столе в идеальные стопки. Бринн была аккуратисткой. Люси права, подумал Истон, из Бринн вышла бы отличная жена для того парня из Саусалито.

- Когда в последний раз Бринн ночевала здесь? - спросил он у Люси.

- Три ночи назад, кажется. Я говорила, что она много времени проводила у Габа. Меня это устраивало - приятно иметь всю квартиру в своем распоряжении.

Фрост нахмурился. Получалась нестыковка.

- Габриэль сказал, что не виделся с Бринн несколько дней.

- Что?

- Он сказал, что она оставалась у него четыре ночи назад, потом исчезла на пару дней. До вчерашнего дня не отвечала на звонки и на сообщения. Ты виделась с ней за это время?

Люси не проявляла ни малейших признаков нервозности.

- Нет, сюда она не приходила.

- А на работу?

- Не знаю. Она работает на другом этаже. В магазине мы обычно не видимся. Мы и так много времени проводим вместе в этой тесной квартирке, поэтому не спешим встречаться в рабочее время.

- А у кого еще она могла переночевать?

- Даже не представляю, - ответила Люси. - Возможно, у родителей.

Фрост покачал головой.

- Они сказали, что не видели Бринн целый месяц.

- Ну тогда не знаю... Я привыкла к тому, что она не приходит домой, но всегда считала, что она с Габом.

- А в котором часу вы вчера с ней встретились?

- После работы. Бринн уже была дома, когда я вернулась.

- Она говорила, где была?

- Нет.

- Какое у нее было настроение?

- Отличное. Радостное. Насвистывала что-то веселенькое. Я же говорю, Бринн всегда была в приподнятом настроении. Мы переоделись, потом отправились на вечеринку. Она была совершенно нормальной, если не считать...

- Чего не считать? - спросил Фрост.

Представив, как Бринн насвистывает, он тоже стал насвистывать, но, поймав себя за таким занятием, поспешно замолчал.

Люси села на стул за крохотный кухонный стол.

– Ну я произнесла что-то вроде: «Слава богу, завтра пятница». Она уставилась на меня в полнейшем замешательстве, потом вытащила свой телефон, посмотрела в календарь и как бы отмахнулась.

– Она объяснила, в чем дело?

– Нет, просто сказала: «У меня глюки». И всё. Мы уехали на вечеринку.

Истон снова окинул взглядом ту часть комнаты, что занимала Бринн.

– У нее был компьютер?

– Конечно, она убирала его под кровать.

Фрост встал на четвереньки и заглянул под кровать Бринн. Вытащив ноутбук «Тошиба», включил его. Компьютер загрузился и потребовал пароль.

– Тут стоит защита. Ты, случайно, не знаешь пароль?

Люси кивнула.

– Бл-рок-н-ролл.

Фрост набрал пароль. Когда на экране появилась домашняя страница, он открыл ежедневник. Единственной записью на текущую неделю, не считая вчерашнюю вечеринку, был прием у зубного врача, назначенный на девять утра предыдущего дня. Рядом было написано имя врача и его телефон, поэтому Фрост достал свой мобильник и позвонил по этому номеру. Объяснив в регистратуре, кто он такой, задал свой вопрос. Выслушав ответ, отключился.

– На утро четверга у Бринн было назначено отбеливание зубов, – сказал он. – Она так и не пришла.

– Странно. Бринн была помешана на своих зубах.

– Мне очень хотелось бы знать, где она провела тот день, – сказал Фрост.

– Сожалею, но ничем не могу помочь. Она ничего не говорила.

Истон не знал, связано ли это «потерянное время» с тем, что случилось с Бринн, однако ему совсем не нравился тот факт, что незадолго до психологического срыва она напрочь исчезла из чьего-либо поля зрения. И что вела себя так, будто не знала, какой сегодня день.

– Бринн наблюдалась у психиатра? – спросил он у Люси. – Габриэль говорил, что она к кому-то обращалась из-за своего страха перед кошками.

– Да, верно. Бринн была в восторге от нее. Говорила, что я должна обязательно пойти к ней со своим страхом перед мостами.

– Когда это было?

– Несколько недель назад. Психиатр очень дорогой. Родители подкинули ей пару тысяч на лечение. Видишь, как много Габ значил для нее... Она не хотела, чтобы кошки помешали их отношениям.

– Габриэль считает, что лечение странным образом подействовало на ее память.

Люси кивнула:

– И это верно. Бринн говорила, что главная цель – заставить человека забыть о том, что породило его проблему. Убрать воспоминание, убрать страх. Думаю, это получилось. Бринн вдруг полюбила кошек.

– Как звали психиатра? – спросил Фрост. – Помнишь?

– Конечно, потому что имя было какое-то противное. Франческа Штейн. Только представь – Фрэнки Штейн! Франкенштейн! Мы много над этим смеялись. У меня есть ее визитка. Дать тебе?

– Обязательно.

Люси прошла в свою часть комнаты и порылась в ящиках прикроватной тумбочки. Вернувшись, протянула Фросту визитную карточку.

– Ее кабинет рядом с «Мейсис», так что Бринн было удобно.

– Спасибо, Люси.

Истон направился к двери. У Люси был такой вид, будто она еще что-то хочет ему сказать. Фрост подумал, что она, наверное, собирается пригласить его на свидание. Однако он знал, что Люси этого не сделает. Ведь гораздо проще идти по проторенной дороге, чем искать перекрестки, которые могут вывести тебя к чему-нибудь пугающему. Он и сам был из таких.

– Ну, тогда передай Шаку от меня привет, – неуверенно произнесла девушка.

– Хорошо.

– Кстати, а вы поймали того типа, что убил старушку? Ну, прежнюю хозяйку Шака?

– Да, это оказалось легким делом, – с усмешкой ответил Фрост. – Примерно через два часа после убийства он появился в больницу. Едва держался на ногах от кровопотери. Все его тело было в глубоких ранах от кошачьих когтей.

Глава 8

Фрэнки ждала свою сестру в «Зингари», их традиционном месте встреч дважды в неделю. Перед ней стояли бокал «Пино нуар» от «Рашн Ривер» и порция мидий.

Все это составляло ее ужин. В джаз-баре громко играла музыка; мелодия, исполняемая ночным дуэтом из пианино и саксофона, поднималась над гулом голосов. На столике горела свеча. Фрэнки, откинувшись на спинку дивана, разглядывала отражения лиц на зеркальной стене.

Пэм опаздывала. Как и всегда. Но это не имело значения. Фрэнки потягивала вино и погружалась в радостно-возбужденный ресторанный шум. Мидии в чесночном соусе были отменными.

Она проверила свою почту на смартфоне. Большая часть писем была деловой, поэтому для ответа на них хватало одного-двух предложений. Дополнения к ее статьям, опубликованным в научных журналах. Вопросы коллег. Приглашения на конференции. В последние десять лет Фрэнки выступила почти на всех континентах с докладами о реконсолидации памяти и была достаточно известным специалистом в своей области, однако славе неизбежно сопутствовало участие в дискуссиях. Многие маститые ученые категорически не соглашались с этической стороной ее метода и фактически развязали академическую войну, стремясь дискредитировать ее.

Фрэнки это не беспокоило. Главным для нее был результат лечения.

Слава психиатра имела и другие, довольно странные побочные эффекты. Каждый вечер, просматривая сообщения в электронном почтовом ящике, она находила письма от обычных людей. Безобидные. Или полные отчаяния. Но приходили и такие, из которых так и сочилась ненависть. Она научилась игнорировать их.

Глотнув вина, Фрэнки открыла одно из таких писем:

Ты играешь с Богом. Ты попадешь в ад, и я молюсь за твое спасение.

Она стерла письмо вместе с другими такого же содержания. Письма от людей, прочитавших ее книгу и желавших поделиться с ней своей историей, тем, как болезненные воспоминания отравляют им жизнь, Фрэнки сохраняла. Помощи хотели многие, и на эти письма она сможет ответить завтра утром из кабинета.

Из всех писем неоткрытым осталось одно. Строка «Тема» была пуста. Посмотрев на время и дату, Фрэнки поняла, что письмо упало в почтовый ящик всего пять минут назад.

Открыв сообщение, она увидела всего одну строку:

Помнишь меня?

Больше ничего в письме не было. Ни подписи. Ни приложения. В адресе отправителя значилось:

thenightbird[5 - Ночная птица (англ.)]@gmx.com

Фрэнки озадаченно нахмурилась. Почему-то это письмо взбудоражило ее сильнее, чем другие. Врач не могла объяснить, в чем дело. Ведь она получала и более мерзкие послания от совершенно незнакомых людей. А здесь ничего особенного нет. И все же...

И тут она поняла, что беспокоило ее. Письмо пришло на ее домашний адрес, а не на рабочий, который был указан на сайте. Домашний адрес был исключительно личным. Фрэнки давала его только родственникам и друзьям, и еще очень ограниченному кругу пациентов, которых относил к группе риска из-за сохранявшейся у них склонности к самоубийству. Ее смартфон был запрограммирован так, что даже на тихом режиме раздавался громкий сигнал, уведомлявший, что на домашнюю почту пришло сообщение.

– Что-то смешное прислали?

Фрэнки подняла голову. Ее любимый официант, Вирджил, склонившись над столом, взял бутылку с вином. У него были роскошные белоснежные волосы, лежавшие крупной волной, – предмет зависти многих женщин. Темные глаза лукаво блестели, на губах постоянно играла улыбка. Высокий и стройный, он был одет в черную рубашку и черные брюки.

Фрэнки отложила телефон. Уровень заряда был в красной зоне, поэтому она достала портативный аккумулятор и подсоединила его.

– Опять кто-то молится о моей душе.

– Ну нам с тобой нужна вся возможная помощь, – сказал Вирджил. – Если Богу станет скучно, я обязательно окажусь в списке на муки. Поэтому то и дело проверяю небо на наличие вспышки молнии.

– Вирджил, это Калифорния. Если наступит пора мучений, то это будет землетрясение.

Официант развел в стороны длинные руки:

– Ты уже чувствуешь? Земля дрожит?

Фрэнки рассмеялась. Вирджилю всегда удавалось развеселить ее.

– Еще вина? – спросил он.

– Обязательно.

Вирджил наполнил ее бокал, причем, как всегда, щедро. Фрэнки была постоянной клиенткой и давала хорошие чаевые. Когда бы она, или Пэм, или Джейсон ни появлялись в ресторане, их столик всегда обслуживал Вирджил, и остальные официанты не возражали против этого. Он был типичным для Сан-Франциско тусовщиком, всегда жаловался на нехватку денег и напивался до бесчувствия со своими друзьями-геями. Формально Вирджил был бездомным, однако ничто не могло лишить его хорошего настроения, и Фрэнки восхищалась этим его качеством. Он служил доказательством того, что можно жить за счет доброты абсолютно чужих людей.

– А где твоя сестра? – спросил Вирджил.

Фрэнки уже собралась было ответить, но тут у нее за спиной прозвучало:

– Я здесь! Я здесь!

Пэм шла к столику через веселую толпу, типичную для пятницы. Она обладала своего рода даром заставлять моря расступаться перед ней. На пальце у нее болтался пакет из «Нордстрема». Отбросив с лица крашенные светлые волосы, она села за столик напротив Фрэнки и улыбнулась Вирджилю. И только после этого, сняв солнцезащитные очки, спросила:

– Итак, Ви, что у нас сегодня?

– Ну смотря для чего. Что мы желаем – пофлиртовать, отпраздновать или выпить?

– Всё вместе.

– Тогда это должно быть «Беллини мартини».

– Годится.

Вирджил ушел, и Пэм многозначительно округлила глаза, глядя ему вслед. Устроившись за столом, взбила волосы. Каждое движение было рассчитано на то, чтобы привлекать внимание. И ведь все получалось. Мужчины, толпившиеся у барной стойки, уже бросали на нее взгляды. То, что они сестры, было видно сразу, но все внимание забирала себе Пэм. Определенную роль в этом играла ее внешность: она потратила немалые деньги на увеличение груди и одевалась так, чтобы подчеркнуть обретенные формы, а ее стройные ноги покрывал золотистый загар. Но был еще и ее настрой, нечто такое, что буквально кричало о сексе.

– Где Джейсон? – спросила Пэм.

– Он допоздна на работе.

Она покачала головой.

– Сплошная работа и никакого развлечения... Тебе стоило бы пофлиртовать с этим мальчиком, поиграть с ним.

– Жизнь, Пэм, не игра, – сказала Фрэнки.

Та закатила глаза. Фрэнки не осуждала ее. Когда они с Пэм оказывались вместе, она тут же принималась читать сестре лекции, как ребенку. Так было всегда. Когда Пэм нужно было спасти, Фрэнки немедленно бросалась на помощь, и именно Фрэнки делала все, чтобы сестра почувствовала себя полным дерьмом. Они напоминали завистливых подростков.

Фрэнки услышала, как звякнул телефон. Значит, на ее личную почту пришло новое сообщение. Прочитав адрес, она поняла, что отправитель тот же. На этот раз он написал:

Я тебя помню.

Пэм заметила, как сестра вдруг нахмурилась.

– Что такое?

– Ничего. – Фрэнки положила телефон на стол и приказала себе не думать о сообщении. Вероятно, кто-то просто глумится над ней. – Ничего особенного.

Вирджил принес Пэм ее мартини – стакан с янтарной жидкостью и орхидеей в качестве украшения. Пэм сделала глоток и облизала губы.

– Великолепно, Вирджил. Ты мой спаситель.

– Сожалею, но мы с Фрэнки сменили религию. Мы все отправляемся в ад.

– Ваше право, – хмыкнула Пэм.

Вирджил оставил их одних, и Пэм стала оглядываться по сторонам, внимательно изучая мужские лица. Когда кто-то улыбался ей, она улыбалась в ответ. Фрэнки хотелось узнать, как у нее прошел день, однако она знала, что каждое предложение из сестры придется вытаскивать клещами.

- Как собеседование?

Пэм даже не повернулась к ней.

- Отлично. Здорово. Уверена, меня возьмут.

- Так ты даже ходила туда?

На этот раз Пэм посмотрела на Фрэнки, и взгляд у нее был убийственный.

- То есть?

- Так ты ходила на собеседование или нет?

- Естественно, ходила.

- Если я позвоню, что они мне ответят?

- Звони, - сказала Пэм. Отпив из своего стакана, она добавила: - Это так бодрит - то, что ты доверяешь мне.

Фрэнки пожала плечами.

- Ты права. Прости.

Дело было в том, что за всю жизнь Пэм не дала никому из близких ни единого повода доверять ей, однако сейчас Фрэнки не хотела заострять на этом внимание.

Живя в семье целеустремленных ученых, стремившихся к самосовершенствованию, Пэм намеренно шла в противоположном от них направлении. После первого курса бросила колледж. Меняя работы как перчатки - танцовщица, официантка, модель, - постепенно пристрастилась к кокаину и дважды попадала на реабилитацию. Пять лет назад вышла замуж за португальца, разработчика веб-сайтов, с которым познакомилась в ночном клубе в Мишен-Дистрикт. Он бил ее. Она изменяла ему. Когда он ее вышвырнул, Пэм

перебралась к Фрэнки, в гостевую спальню, и до сих пор обитала там.

Сейчас у нее были деньги. Отец оставил им небольшое наследство, но, глядя на то, как сестра транжирит свою долю, Фрэнки считала, что этих денег хватить всего на несколько лет. Пэм не умела заглядывать так далеко в будущее, а Фрэнки умела и поэтому всячески старалась устроить сестру на работу. На любую. То собеседование, о котором шла речь, было в одной пиар-компании, с которой Фрэнки работала, когда оказалась свидетельницей в судебном процессе. Для связей с общественностью внешность имеет первостепенное значение, и Пэм как нельзя лучше подходила для этой должности.

Телефон Фрэнки снова подал голос.

Еще одно письмо.

Поколебавшись, она взяла телефон. Сообщение от того же отправителя. Она прочитала:

Какое твое худшее воспоминание?

На этот раз она стала писать ответ, сердито набивая текст изящными пальцами:

Кто это?

Фрэнки поспешно, пока не передумала, отправила письмо и в сердцах швырнула телефон на стол. Все это не укрылось от внимания Пэм.

– В чем дело?

– Кто-то меня троллит. Расскажи о собеседовании.

– Что рассказать? – спросила Пэм.

– О чем тебя спрашивали?

– Не знаю. Всякие пиарные вопросы. Удобно ли вам лгать в лицо корреспонденту? Вы согласились бы спать с клиентом, чтобы расширить бизнес? И всё в таком роде.

– Забавно, – сказала Фрэнки.

– Ладно тебе. Я же радую глаз. Ты это знаешь. Я это знаю. Они это знают.

Фрэнки ничего не сказала. Она потягивала вино и изучала лицо сестры. Пэм что-то скрывает, но это не меняет дела. Она всегда что-то скрывает. Всегда лжет. Единственное, в чем она искренна, так это в своем сожалении по поводу успехов старшей сестры.

– Ведь ты туда не ходила, да? – спросила Фрэнки.

Пэм отпила мартини.

– Да.

– Господи, Пэм...

– Что? Я больше не на мели. Когда понадобятся деньги, тогда и найду работу.

– А они понадобятся очень скоро, если ты и дальше будешь пастись в «Нордстроме». Ты хоть представляешь, какие связи мне пришлось задействовать, чтобы тебе устроили собеседование?

– Да, спасибо, что сжалилась надо мной, – оцетинилась Пэм.

– Я сыта тобой по горло. Хватит с меня.

– Я была бы рада так думать, но с тебя никогда не будет «хватит», Фрэнки. Как и с отца не было «хватит».

– Я в том смысле, что можешь идти своей дорогой, – твердо заявила Фрэнки.

– Что, ты хочешь, чтобы я съехала от тебя? Сняла себе жилье?

– А разве ты этого не хочешь?

Взгляд Пэм был холодным как лед.

– Нет.

– Конечно, в пентхаусе гораздо лучше. И за аренду платить не надо.

– Фрэнки, ты хочешь, чтобы я заплатила за аренду? Хорошо, я буду платить.

– Речь вовсе не об этом, – сдалась Фрэнки.

Так повторялось каждый раз. Они не могли оказаться в обществе друг друга и не поссориться. Джейсон был для них своего рода миротворцем. Когда же его не было рядом, сестры доставали кинжалы и старались перерезать друг другу глотки. Фрэнки все это ненавидела и понимала, что виновата не меньше Пэм. Она надеялась, что после смерти отца их отношения сложатся по-другому, однако они остались такими же порочными, как и прежде.

Спустя какое-то время Фрэнки нарушила тягостное молчание и более мягко спросила:

– Пэм, ты чиста?

– То есть?

– Кокаин, – пояснила Фрэнки.

– Ого, тебя хватило на не вмешаться целых пять секунд... Это новый рекорд, даже для тебя.

– Я просто хочу знать. Когда у тебя в прошлый раз появились деньги, почти все они улетучились вместе с порошком в твой нос. Это так, Пэм, нравится тебе это или нет.

Пэм огляделась по сторонам, проверяя, не слушает ли их кто-нибудь, а потом подалась вперед:

– Я хожу на собрания. Ты же приставила ко мне Джейсона в качестве сторожевого пса, забыла? Не беспокойся, Фрэнки, я каждую неделю получаю свою дозу унижения.

– Собрания не для того, чтобы унижать тебя. Их задача – сохранить тебе жизнь.

– Ага, только ты не обязана ходить на них, да? Будь хорошей девочкой и рассказывай группе лузеров, что ты еще больший лузер, чем они. Мне жаль, что мы все не можем быть знаменитыми на весь мир физиками, психиатрами и неврологами. Некоторые из нас – простые люди.

Пэм помахала рукой и случайно задела свой стакан. Коктейль разлился по столу. Вскочив, она чертыхнулась и жестом попросила Вирджила принести новую порцию. Фрэнки принялась салфетками вытирать лужу. Как всегда, она подчищает за Пэм...

Дзинь.

Еще одно письмо. Фрэнки схватила телефон и открыла сообщение. Оно было от того же отправителя:

Я тебя вижу.

Фрэнки вскинула голову. Ресторан был забит посетителями, люди сидели буквально плечом к плечу. Из-за приглушенного света разглядеть лица было трудно. Ее взгляд скользил по залу, выискивая в толпе того, кто смотрел на нее. Кто был знаком ей.

Таких не оказалось. Фрэнки вдруг обнаружила, что у нее дрожит рука, а пальцы так ослабели, что почти не держат телефон.

Пэм снова села. Разгневанная и напряженная, она старалась не смотреть на сестру.

- Прости, - тихо проговорила Фрэнки.

Пэм ничего не сказала.

- Я действительно сожалею. Я не хочу ссориться. Я не хочу вмешиваться в твою жизнь. Знаю, иногда мои действия выглядят так, будто я вмешиваюсь...

- Ты как папа, - заявила Пэм, зная, что для сестры это удар ниже пояса.

Фрэнки сдержалась, несмотря на сильнейшее искушение снова ввязаться в спор.

- Ладно, ты права. Папа всегда к тебе придирался, а я не хочу быть как он. Он тоже сводил меня с ума, но только по-другому. Он был трудным человеком.

- Трудным? - переспросила Пэм с таким видом, будто это слово совсем не подходило для описания характера отца. И ведь это было правдой.

- Дело в том, что когда мы были в Пойнт-Рейес, у нас с папой наметился кое-какой прогресс в отношениях. Перед самым несчастным случаем.

- Как мило... Только ты не хотела, чтобы я за вами увязывалась, забыла? Ты сказала, что я буду только мешаться.

Фрэнки секунду колебалась.

- Конечно, помню. Вот я и говорю: прости.

- Не надо. Как сложилось, так и сложилось.

Над их столом навис Вирджил. На его лице, будто приклеенная, красовалась притворно радушная улыбка. Он знал, что они ссорятся. Такое было не впервые. За все годы, что сестры приходили сюда, он видал ссоры и похуже. Заметив в его руке бокал «Пино нуар», Пэм нахмурилась.

– Ви, я же просила мартини.

– Не беспокойся, «Беллини» номер два уже на подходе, – ответил он Пэм. – А это для Фрэнки. Знак внимания от господина за барной стойкой.

Фрэнки повернулась. «Я тебя вижу».

– От кого? – спросила она. У барной стойки посетителей была целая толпа, и она не увидела среди них знакомого лица.

– Зачесанные назад каштановые волосы. Борода. Приятный.

Фрэнки снова взглядела в лица и на этот раз заметила мужчину, смотревшего на нее. Вирджил был прав. Мужчина оказался очень привлекательным. Он был моложе ее и обладал секретным оружием: улыбкой, от которой у любой женщины слабели колени. Из-за бороды его подбородок казался квадратным, на остром носу выделялась горбинка. А еще этот мужчина был умен. Фрэнки всегда умела увидеть в глазах ум.

– Отнеси вино назад, – сказала она Вирджику и тут же схватила его за руку. – Нет, подожди, я сама.

Фрэнки встала. На каблуках она казалась выше мужчины за барной стойкой. Врач придала своему лицу выражение холодного равнодушия. Пока она шла к мужчине, тот наблюдал за ней, уверенный в себе. Как будто женщины только и мечтают о том, чтобы он угощал их выпивкой. Вид у него совсем не испуганный, но преследователи-то знают, как прятаться за маской. Он что-то насвистывал, но замолчал, когда Фрэнки приблизилась.

Она буквально сверлила его взглядом.

– Кто вы и зачем забрасываете меня письмами? Откуда вы узнали мой личный адрес?

Мужчина удивленно заморгал, а потом взгляд его очень красивых голубых глаз замер на Фрэнки.

– Простите, кажется, вы меня с кем-то спутали, доктор Штейн. Меня зовут Фрост Истон, я из полиции Сан-Франциско. Я хотел бы поговорить с вами.

Глава 9

Фрост оценивающе смотрел на Франческу Штейн. В процессе расследований он познакомился со множеством психиатров, однако никто из них не произвел на него особого впечатления. Они с радостью делали вид, будто знают все ответы, но если один из их пациентов вдруг расстреливал зрителей в кинотеатре, мозгоправы обвиняли в этом кого угодно, кроме себя. Фрост воспринимал их как маленьких сереньких фрейдов, исследующих слабости с той же увлеченностью, что и маленький ребенок, тыкающий пальчиком в пузо толстого дядьки.

Штейн не проявляла никакой заносчивости, но взгляд ее карих глаз был ледяным. Она умела с непередаваемой грацией держать людей на расстоянии. Тощая, она, однако, не выглядела хрупкой. Ее сестра – а то, что они сестры, было очевидно – отличалась сногшибательной красотой, но, по мнению Фроста, Фрэнки была интереснее. Создавалось впечатление, что до ее сути придется долго-долго докапываться, при этом так и не добравшись до дна.

Вирджил, официант с дикими белыми волосами, нашел для них свободный столик у окна. На улице тротуар был запружен пешеходами. В вечер пятницы любители хорошего куска мяса спешили на Пост-стрит, несмотря на холодный туман, наползавший с океана. «Субурбан» Фроста был припаркован в красной зоне перед рестораном. Шак спал на руле, и податые девицы, проходя мимо машины, обязательно останавливались и принимались сюсюкать с котом через лобовое стекло.

– Так о чем вы хотели бы поговорить со мной, инспектор? – спросила Штайн. Ее голос прозвучал на удивление мягко.

– О Бринн Лэнсинг, – ответил Фрост. – Она была вашей пациенткой.

– Уверена, вы знаете, что я не имею права разглашать сведения о своих пациентах, – заявила она. На мгновение нахмурившись, заморгала и уточнила: – Была?

– Бринн погибла.

Штейн явно была озадачена. Ее эмоции казались абсолютно искренними.

– Сожалею. А что случилось?

– Она пыталась забраться на Оклендский мост. У нее не получилось.

– Что?

Во всех подробностях описывая ситуацию, Истон наблюдал за ее реакцией. И видел только замешательство.

– Ужасно, – сказала врач, когда он замолчал. – Загадка...

– Я надеялся, что вы дадите мне разгадку, – сказал Фрост. – Как-никак вы ее психиатр.

– Даже если б могла, я все равно не имела бы права что-то вам рассказывать. Врачебная тайна не заканчивается автоматически со смертью пациента.

– Я предполагал, что вы это скажете, – признался Фрост, доставая из кармана куртки сложенный лист бумаги и разворачивая его. – И поэтому попросил родителей Бринн подписать разрешение на обнародование. После ее смерти все полномочия переходят к ним.

Штейн прочитала документ.

– Что ж, справедливо. Я рада помочь, если смогу. К сожалению, в данном случае у меня нет ничего, что было бы вам полезно. Я не виделась с Бринн несколько недель. Лечение, через которое она прошла, имело отношение к очень незначительной проблеме. Ей даже было неловко говорить о ней.

– Боязнь кошек, – подсказал Фрост.

– Да, именно так.

– И вы помогли ей забыть о ней? – спросил он. – Ведь именно так работает ваш метод?

Всю вторую половину рабочего дня полицейский штудировал методику Франчески Штейн. Сейчас он пытался избежать скептических интонаций в голосе, но получалось плохо. Прочитанное убедило его в правоте Люси. Внешне красивая, эта женщина действительно немного напоминала доктора Франкенштейна.

– Примерно в этом, если говорить простым языком, – согласилась Штейн. – Процесс называется реконсолидацией памяти.

– Как конкретно вы этого достигаете?

Врач достала из сумки телефон. Он был подсоединен к портативному аккумулятору. Нажав какие-то кнопки, она протянула телефон Фросту.

– Вот это видео я показываю людям на собеседовании. Взгляните. Продолжительность несколько секунд.

Фрост нажал кнопку «воспроизведение» на экране. Он ожидал увидеть, как в аудитории читают сухую академическую лекцию, но вместо этого перед ним появилась обычная улица где-то в Сан-Франциско. По обеим сторонам были припаркованы машины, тянулись вереницы магазинов, группами шли пешеходы. Неожиданно для озадаченного Фроста в кадре возникла темная машина. Не останавливаясь, она выскочила на перекресток и под прямым углом с громким стуком врезалась в другую машину. Из-под капота повалил пар. Раздались крики. И видео оборвалось.

– Ничего не понял, – произнес Истон.

– Давайте представим, что вы свидетель этой аварии, – сказала Штейн, забирая телефон. – Что эти десять секунд были вашей реальностью. Вы не можете снова пережить ее, снова увидеть случившееся. Вы можете только помнить.

– Верно.

– Другими словами, реальность случается только один раз, а воспоминания повторяются снова и снова, – продолжала рассказывать Штейн. – Каждый раз, когда я прошу вас рассказать о синей машине, что, несмотря на знак «Стоп», выскочила на перекресток и попала в аварию, ваш мозг вытаскивает наружу воспоминание, как папку из шкафа. Однако воспоминания – в отличие от реальности – не являются постоянными. Вспоминая какое-то событие, мы каждый раз придаем новую форму увиденному. На наше воспоминание о событии влияет то, какой нам хочется видеть ситуацию, как мы очерчиваем нашу роль в ней, что нам рассказывают люди и даже что мы услышали или прочитали о происшествии. Через некоторое время наш мозг уже не может отличить реальность от нашей реконструкции реальности.

– На очевидцев полагаться нельзя, – сказал Фрост. – Это я уяснил.

– Именно так. Они не просто ненадежны, они еще и упорствуют. Очень часто очевидцы на сто процентов уверены в фактах, несмотря на то что они ошибаются. А психологическая травма может все усугубить. Вы ведь никогда не подумали бы, что жертва изнасилования может неверно опознать насильника, да? Однако такое случается. Из-за этого ни в чем не повинные мужчины попадают в тюрьму.

– Как я говорил, люди запоминают неправильно. Но какое отношение это имеет к тому, чем вы занимаетесь?

У Штейн на подбородке появилась маленькая ямочка. Каждое ее движение было преисполнено спокойствия и точности.

– Я утверждаю, что люди могут менять собственные воспоминания, даже не подозревая о том. Опасность – и благоприятная возможность – состоит в том, что воспоминания можно изменять намеренно. Вы, наверное, слышали, что в

восьмидесятые обширную полемику вызвала методика, при которой психиатры помогали своим пациентам восстанавливать вытесненные в подсознание воспоминания. Большая часть этих восстановленных воспоминаний подвергалась сомнению, но для пациента они становились реальными. И не только психиатры виновны в манипуляциях подобного рода. Адвокаты делают то же самое, и полицейские тоже. Иногда случайно, иногда намеренно.

- Как это работает? - спросил Истон.

- Возьмите то видео, что я вам показала. Синяя машина проскакивает перекресток в нарушение знака «Стоп» и попадает в аварию. На заднем фоне было множество лавочек и магазинчиков. Какая кофейня была на той улице? Помните? Подумайте.

Фрост так и сделал. Наконец он сказал:

- Кажется, «Старбакс».

- Уверены?

- Нет, но мне так кажется.

- А не «Сиэтлз бест»?

- Думаю, нет. А что? Я ошибся? Это на самом деле была «Сиэтлз бест»?

- Между прочим, на той улице вообще не было кофейни, - ответила Штейн. - Но если бы мы повторили все еще несколько раз, вы уже были бы готовы клясться в том, что это «Старбакс». Вы видели бы ее у себя в голове. Большинство кофеен - «Старбакс», поэтому, если кто высказывает предположение, что там была кофейня, люди спешат сделать вывод, что видели «Старбакс». Даже если ее там не было.

- Вот подстава...

- Нет, просто так работает память. Как вы думаете, с какой скоростью неслась синяя машина, когда она пролетела через стоп-линию? Рискнете догадаться?

Фрост пожал плечами.

– Я бы сказал, тридцать пять миль в час.

– А на самом деле двадцать. Моя контрольная группа обычно называет двадцать пять. Вы определили скорость как более высокую. Знаете, почему?

– Уверен, сейчас вы мне расскажете, – не без раздражения ответил Фрост.

– Описывая синюю машину, я несколько раз произнесла слова «проскочила», «пронеслась», «пролетела через стоп-линию». Мои характеристики влияют на ваше сознание. Вы ускоряете машину из-за того, что я именно в таком ключе описываю инцидент, а не потому, что вы так запомнили. – Подавшись вперед, Штейн добавила: – Кроме того, вы не поправили меня в отношении двух важных деталей, хотя я намеренно повторила ошибку несколько раз.

– А именно?

– Машина на видео было темно-зеленой, а не синей. И на перекрестке не было знака «Стоп». Там был знак «Уступи дорогу».

Истон мысленно прокрутил видео и, к своему смятению, понял, что не знает, говорит она ему правду или нет. Психиатр одарила его сдержанной улыбкой.

– Инспектор, я рассказываю вам все это не для того, чтобы вы почувствовали себя дураком. Это просто пример того, как нас подводит память. Если б адвокат или полицейский поступили точно так же с очевидцами происшествия, то те в следующий раз наверняка вспомнили бы синюю машину, вылетающую на перекресток в нарушение знака «Стоп». И ведь такое могло бы произойти в зале суда.

– Не хочу вас обидеть, доктор Штейн, но все эти ваши попытки лечить память вызывают у меня очень неприятные ощущения. Они кажутся мне очень опасными. Я читал, что некоторые из ваших коллег пытались с позором выгнать вас из профессии именно за то, чем вы занимаетесь.

- Вы правы, - не стала отрицать Штейн. - Менять воспоминания рискованно. Так как этот метод несет в себе определенную опасность, традиционная психиатрия придерживается мнения, что делать этого нельзя. Можно попытаться отделить эмоциональную реакцию от воспоминания, но нельзя стирать или заменять само воспоминание. Многие психиатры и ученые считают, что жизнь - это продукт нашего разнообразного опыта, плохого и хорошего, и что мы не должны вносить в него беспорядок.

- Но вы правы, а они ошибаются, так? - с вызовом осведомился Фрост.

- Не обязательно. Я просто придерживаюсь иного взгляда. Я считаю, что пациенты сами для себя могут решить, через какое лечение проходить. Это их жизнь, не моя и не чья-то другая. Ведь против эвтаназии выступают совсем не те, кто вынужден терпеть изнурительные боли и видеть страдания близкого человека. То же и с болезненными воспоминаниями. Я предпочитаю давать возможность пациенту прожить лучшую жизнь, и если он согласен на это через изменения части своего прошлого, это его выбор. Ведь опухоль - тоже часть вашего жизненного опыта, не так ли? Но мы без колебаний удаляем ее хирургическим путем. Так что я не считаю воспоминания такими уж неприкосновенными.

Фрост подумал о своей сестре, Кейти. Все, что у него осталось от нее, - это воспоминания. Поэтому он уверен, что воспоминания священны, плохие или хорошие. Несмотря на то, что есть вещи, которые хочется забыть.

Машину на обочине на Оушн-Бич.

Тело на заднем сиденье.

- И как конкретно вы изменяете воспоминания? - спросил Истон.

- Если вы поговорите с моим мужем Джейсоном - он невролог, - тот скажет, что очень скоро у нас появится возможность использовать лазер и МРТ, чтобы подсвечивать синапсы в вашем мозгу и стирать то или иное воспоминание. Я пытаюсь делать то же самое терапевтическими методами. Я потратила более пятнадцати лет на оттачивание и доведение до совершенства этого процесса. Он включает в себя гипноз и аудиовизуальное воздействие.

- И наркотики? - спросил Фрост.

- Для некоторых пациентов - да, я использую наркотики, чтобы увеличить восприимчивость к гипнотическому воздействию.

- Это всегда срабатывает?

- Нет, естественно. В психиатрии нет гарантий. Перед началом лечения мои пациенты подписывают документ о снятии ответственности, потому что ремонт сознания отличается от ремонта автомобиля. Иногда ничего не получается. Некоторые люди не могут отпустить воспоминания. В очень редких случаях лечение только ухудшает ситуацию - усиливает эмоции или воспоминания, а не удаляет их.

- Настолько, что кто-то, скажем, может прыгнуть с моста? - спросил Фрост.

- Если вы имеете в виду Бринн Лэнсинг, то мой ответ - «нет». Ее лечение закончилось несколько недель назад. И дало отличные результаты.

- А не могло случиться так, что она вдруг проснулась и вообразила, что ее атакует сотня диких кошек?

- Инспектор, мой метод работает совсем не так. Не знаю, что подвигнуло Бринн на такое поведение, но в моем кабинете такого ни разу не случилось. Наверняка было что-то еще. Только оно не связано с лечением.

- Уверены?

- Да, уверена, - твердо ответила врач.

- Точно? Тогда как вы объясните Монику Фарр?

Он заметил, как во взгляде Штейн появилась тревога.

- Что?

– Моника Фарр тоже была вашей пациенткой, не так ли? Я проверил контакты в ее телефоне. У нее есть запись «Фрэнки». Отгадайте, чей номер идет под этим именем. Кстати, не переживайте, я могу получить подписанное разрешение на ознакомление с ее медицинской картой.

– Вы хотите сказать, что Моника...

– Мертва, – закончил за нее Фрост. – У нее случилось психотическое расстройство, точно такое же, как у Бринн. Она выстрелила себе в голову.

Кровь отхлынула от лица Штейн. Рот приоткрылся в безмолвном ужасе.

– О боже, – шепотом произнесла она.

Истон наклонился через стол и резко сказал:

– Давайте посмотрим фактам в лицо, доктор Штейн: уж больно странное совпадение. Две пациентки приходят к вам на лечение, обе слетают с катушек и кончают жизнь самоубийством... Мне кажется, вам стоит задаться вопросом, что же вы делаете с головами своих пациентов на самом деле.

Глава 10

– Что ты помнишь о Монике Фарр? – спросил Джейсон.

Фрэнки стояла у выходившего на юг окна своего пентхауса на О'Фаррел-стрит. Была почти полночь. Фрэнки смотрела на город и чувствовала, как город наблюдает за ней. Здание в стиле ар-деко между Ливенуорт и Гайд-стрит было высоким, и из его восточных окон открывался великолепный вид на Залив. Когда «Джайантс» играли на домашнем поле, Фрэнки могла видеть салют над стадионом. Вдали горел огнями Оклендский мост, и она поежилась, вспомнив о Бринн Лэнсинг. Фрэнки никогда не боялась высоты, но ей трудно было представить, каково это – погибнуть вот так, по милости силы тяжести. Как Бринн. Как ее отец.

К ней подошел Джейсон и подал бокал красного вина. За вечер Фрэнки выпила уже немало, поэтому у нее кружилась голова, однако ей хотелось еще.

– Моника была медсестрой приемного отделения из Юты, – начала рассказывать Фрэнки. – После пожара в одном доме в Солт-Лейк-Сити в больницу поступило трое детей. Все были сильно обожжены, и все умерли. Моника все не могла прийти в себя после того случая. Она переехала в Сан-Франциско, чтобы забыть тот ужас, но у нее постоянно случались обратные вспышки. Она больше не могла работать.

– Как тебе удалось с этим справиться?

Фрэнки представила Монику. Молодую. Рыжеволосую. Полноватую. Лицо Моника освещалось внутренним светом каждый раз, когда она заговаривала о родителях, которым помогала. У них было много общего. Фрэнки хорошо помнила, какую лечебную стратегию выбрала для девушки. Стратегия была самой деликатной частью терапии; врач должен как бы прочесть своего пациента и создать такую новую реальность, которую принял бы его мозг.

– Я не хотела, чтобы она забыла о том, что те дети умерли, – ответила Фрэнки. – Ведь она постоянно имела дело со смертью. Это определялось ее работой в качестве медсестры. Поэтому я помогла ей поверить в то, что ее не было в отделении, когда все это случилось. Что она своими глазами не видела, как они умирают. Я надеялась, что этого будет достаточно для того, чтобы Моника справилась с собой. Она не была слабой; медсестры вообще отличаются жесткостью. То была просто еще одна трагедия из многих.

– Лечение помогло? – спросил Джейсон.

– Я думала, что да. Моника позвонила мне через несколько недель. Она снова работала медсестрой. В ночную смену в отделении экстренной помощи. Тяжелейшая работа. Но она, судя по голосу, была счастлива. Звонила поблагодарить меня...

– Значит, ты выполнила свою работу. Не критикуй себя.

– Да, но сейчас она мертва, как и Бринн Лэнсинг. Получается, что у двух из моих пациентов произошла резкая дисфункция мозга.

Джейсон покачал головой.

- Что бы там с ними ни случилось, твоей вины в этом нет.

- Откуда ты знаешь? - спросила Фрэнки.

У него не было ответа. Муж пытался успокоить ее. Поэтому он просто обнял ее за талию. Фрэнки было приятно чувствовать его рядом. Она видела в стекле его отражение - короткие, уложенные гелем темные волосы; острый подбородок; красиво изогнутые брови и пристальный взгляд. Джейсон был в серых слаксах и приталенной рубашке темно-зеленого цвета. Фрэнки принялась кончиками пальцев водить по его бедру, но потом вдруг отстранилась и сразу ощутила его разочарование.

- А возможно ли такое? - спросила она.

- Что?

- Могла ли я навредить этим женщинам своим лечением?

Джейсон нахмурился. Было поздно, и ему не хотелось вступать в медицинский диспут. А чего ему хотелось, Фрэнки отлично знала. Секса.

- Не стану утверждать, что это невозможно, - сказал он. - В мозговой химии нет ничего безусловного, ты сама это знаешь. Люди ведут себя непредсказуемо. Скажу одно: маловероятно, что твое лечение могло вызвать столь экстремальную реакцию, тем более через такой долгий срок после окончания. Я не утверждаю, что вероятность такого равна нулю, но риск минимальный.

- Риск, - пробормотала Фрэнки. Она снова думала о своем отце.

Забавно, как все в конечном итоге возвращает ее к нему и их последним выходным, проведенным вместе. Ей никак не освободиться от этого. Тема, которую он выбрал для дискуссий во время их ежегодного турпохода, была «Риск». Как далеко ты готова зайти, чтобы получить желаемое? Какие опасности несет с собой твой выбор для других людей? Фрэнки буквально слышала голос отца, ровный, без интонаций. Он читал лекцию и ставил вопросы, как какой-

нибудь профессор в аудитории, а не как отец, беседующий со своей дочерью. Он размахивал указательным пальцем в поддержку своей точки зрения. Его лицо, заросшее седоватой щетиной, не двигалось.

«Вопрос. Допустимо ли стремиться к удовлетворению своих эгоистических желаний, если оно несет риск для других?»

Вопрос. Правильно ли рисковать жизнью или счастьем другого человека только ради того, чтобы заполучить желаемое?»

– Мой отец считал, что я играю с жизнями других людей, – сказала Фрэнки. – Он говорил, что то, чем я занимаюсь, безнравственно.

Джейсон раздраженно всплеснул руками.

– Да что Марвин мог знать о нравственности? Я в жизни не встречал менее эмоционального человека, чем он. Забудь об этом, он же любил строить из себя великого знатока.

– Я бы забыла, но сейчас я задаюсь вопросом, а не был ли он прав. Может, Моника и Бринн погибли именно из-за меня. Может, я действительно играю с огнем. – В ее голосе появилась хрипотца. – Помнишь Даррена Ньюмана?

Джейсону было неприятно слышать это имя, и Фрэнки не могла осуждать его.

– Не ты сделала из Даррена Ньюмана того, кем он стал.

– Скажи это убитой девушке, – проговорила Фрэнки.

– Ньюман манипулировал тобой. И многими другими.

Фрэнки больше ничего не сказала. Джейсон прав. Даррен Ньюман заявился к ней после сделки со следствием, которое гарантировало ему, что он избежит тюрьмы, если пройдет курс лечения, так что она не несет ответственность за последствия.

Только они двое знали, что это не вся правда.

Фрэнки повернулась лицом к мужу. Вино и мрак за окном пробудили в ней желание. Такое редко случалось за последний год. Ее тело и сознание стали чужими друг другу, но именно сейчас она нуждалась в бегстве от всего остального. От воспоминаний. От утрат. От своего прошлого. Все запреты исчезли. Она принялась гладить мужа по затылку. Она поцеловала его в нижнюю губу, а потом стала дразнить языком и сразу ощутила его ответную реакцию. Расстегнув одну пуговицу на его рубашке, затем другую, она водила ногтями по его груди. Ей было плевать, что кто-то наблюдает за ними через окно. Расстояние большое, много все равно не разглядеть, а она дико хочет своего мужа. И Джейсон чувствовал это. Он расстегнул ей брюки и тут же сунул руку в кружевные трусики. У нее перехватило дыхание. Она непроизвольно раздвинула ноги и прижалась к нему.

Неожиданно боковым зрением Фрэнки заметила какое-то движение в комнате и замерла, будто громом пораженная.

Пэм.

Она вышла из гостевой спальни. На ней была коротенькая ночнушка, в руке сестра держала кружку с чаем. Светлые волосы были растрепаны. Она стояла, наблюдая за ними, и ее губы кривила усмешка.

Фрэнки отшатнулась от Джейсона. Поспешно застегнув брюки, одернула блузку. Джейсон раздраженно нахмурился и обернулся. Пэм насмешливо помахала им рукой, вернулась в свою комнату и намеренно громко хлопнула дверью. Они остались одни, но очарование момента уже было разрушено.

Когда Фрэнки снова поцеловала мужа, чувственного ответа она от него не получила.

- Извини, - проговорила она.

Джейсон пожал плечами.

- Не вовремя.

- Можно пойти наверх, - предложила она.

- Нет, мне надо закончить проект. Поработаю в кабинете.

- Мне тебя подождать?

- Нет, ты устала. Иди спать.

Его тон был холодным, пренебрежительным. Муж закрылся и раскрываться больше не хотел. Из-за такого отношения Фрэнки почувствовала себя униженной, однако желание у нее не прошло. Она сбросила туфли и взяла их в руку. Поднявшись по винтовой лестнице в лофт, где была оборудована спальня, захлопнула за собой дверь. В комнате было темно. Почти все окна выходили на Залив.

В гардеробной Фрэнки разделась. Она намеренно не смотрела в большое зеркало, так как знала: стоит ей увидеть свое отражение, она тут же найдет в себе массу изъянов. Слишком тощая, ребра торчат, тазовые кости выпирают. Груды крохотные. В настоящий момент ей хотелось представлять себя идеальной. Так и не надев ночную сорочку, она босиком прошла по пушистому ковру и легла на широченную кровать. Шелковая простыня приятно холодила обнаженную кожу. Ее тело желало секса, но от выпитого голова кружилась так, что комната ходила ходуном. Фрэнки изнывала от крушения радужных надежд, однако каждый раз, когда она моргала, ее глаза оставались закрытыми чуть дольше предыдущего.

Она заснула.

Но ненадолго. Ей показалось, что всего на минуту или две. Фрэнки прекрасно проспала бы до утра, но что-то разбудило ее. И она проснулась как от толчка, охваченная какой-то странной тревогой. Сердце бешено стучало. Ей снилось что-то неприятное, но сон мгновенно улетучился, не оставив воспоминания. Посмотрев на часы, она обнаружила, что прошел час. А в кровати она все еще была одна. Джейсон принадлежал к тем людям, которые не нуждаются в долгом сне, и все свободное время он работал.

Так что же разбудило ее?

Фрэнки оглядела комнату. Вроде бы всё на месте. Шторы раздвинуты, слабый свет Сан-Франциско свободно льется через окно. Иногда в окно ударялись ястребы или чайки, да с таким громким стуком, что Фрэнки опасалась за стекло, однако сейчас подобное явление не имело отношения к ее пробуждению.

Она перевела взгляд на тумбочку. И все поняла.

Телефон.

Фрэнки разблокировала экран. Ее ждало новое электронное письмо. Дата и время указывали на то, что оно пришло всего несколько секунд назад. Она взглянула на адрес – письмо было от того же отправителя, что донимал ее в «Зингари».

thenightbird@gmx.com

У нее по спине пробежали мурашки, будто кто-то провел кончиком пальцев по позвоночнику. Она поежилась. Обычно письма с выражением ненависти не действовали на нее, но сейчас был другой случай. Это письмо несло в себе скрытую угрозу. Словно в подтверждение своего ника, этот человек действовал, как хищная птица, поджидал свою жертву в темноте. Фрэнки инстинктивно подтянула простыню к подбородку, прикрывая грудь; как будто незнакомец, прячась за длинным корпусом телескопа, наблюдал за ней. «Я тебя вижу».

Она уже собралась стереть сообщение не читая, но вовремя сообразила, что этого делать не следует, и открыла его.

Как и предыдущие, послание состояло из одной фразы.

Я увижу, как ты умрешь.

Комната была белой.

Сияюще белой. Ослепительно белой. Слепяще белой. Когда женщина по имени Кристи разлепила веки, ей показалось, будто она тонет в белизне. Ощущая внутри полнейшее спокойствие, она плыла в никуда. В комнате было тепло и идеально тихо. Кристи лежала в шезлонге, таком мягком и уютном, что он практически окутывал ее всю. Где бы она ни находилась, время не имело для нее значения. Минута могла обращаться в час; час – в минуту. Она не ощущала ничего, кроме блаженства.

Тело было на удивление тяжелым. Она попыталась поднять руку, но даже не смогла шевельнуть ею. С ногами тоже ничего не получилось. Мягкие путы удерживали ее на месте. Она не могла крутить головой, не могла встать с шезлонга. Однако все это не имело значения. Ее сознание, отвязавшись от тела, обрело свободу и плыло по воздуху, подобно дыханию. Ее сознание превратилось в пузырь, который лениво исследовал белый, без окон, мир.

В этом мире не было ничего неправильного. Абсолютно ничего. Она готова была остаться в этом мире навечно.

Лишь одно темное пятно нарушало мирные видения Кристи. Где-то далеко, гораздо дальше предела, видимого ее сознанием, чего-то не хватало. Там находилось воспоминание, до которого она не могла дотянуться, пустое место на белоснежной стене. Стоило ей потянуться к нему, как оно отскакивало. Воспоминание дразнило ее своей пустотой. Оно напоминало появляющийся и исчезающий парусник на океанском горизонте. Кристи даже не могла с уверенностью утверждать, что оно там есть.

Однако знала, что оно там было.

Интуиция подсказывала ей: то, что прячется за пустотой, – это худшее, что можно представить. За пустотой – ужас. За ним – безумие. Она знала – она точно знала, – что если увидит это еще раз, ее сознание разлетится на осколки. Она чувствовала, как все ее существо старается бежать от этого со всех ног. Не оглядываясь на то ужасное, что остается позади. Умоляя о защите. Взывая к небесам. Пронзительно крича.

Нет.

Прямо сейчас все это кажется невозможным. Никакая пустота, ничто столь далекое не может испугать ее. Ей тепло, будто ее греет солнечный свет. Комната бела, как песок на бескрайнем пляже. У нее нет желания покидать это место.

На губах Кристи заиграла улыбка. Ее глаза снова закрылись, и она заснула. Ее сознание наполнили прекрасные сны, как будто голос за пределами мозга указывал, что видеть: поляны, где цветы покачиваются от дуновения ветерка, чье ласковое прикосновение она ощущает кожей; окутанные сосновым ароматом горные озера, где темно-синюю гладь воды не нарушает даже рябь; пустые качели на террасе, их тихому поскрипыванию как бы вторит гром в отдалении.

Что бы ни говорил ей этот голос, она все видела.

Голос. Он управляет ею.

Неожиданно голос приказал ей проснуться. Пронзительный, монотонно-протяжный, как у ребенка, он окликнул ее по имени:

– Крис-ти, Крис-ти.

Ей не хотелось просыпаться. Ее сны были слишком прекрасны. Она знала, что проснется в белой комнате. Такое уже случилось. Она не представляла, сколько раз это случилось, но знала, что не впервой.

– Крис-ти, Крис-ти.

Голос звучал в ее голове, как песнь соловья, но в этой песне не было ничего радостного. У нее было воспоминание, в котором она спрашивала: «Кто ты?»

И у нее было воспоминание, в котором он протяжно отвечал:

«Ночная птица... вот кого ты слышала».

Она уже проснулась и чувствовала, что он рядом. Его дыхание было шумным и пахло чем-то сладким. Она намеренно не открывала глаза, потому что не хотела его видеть, но он все равно пальцами раздвинул ей веки, как будто поднял жалюзи.

«Ку-ку, я тебя вижу!»

У него было не лицо, а маска, и эта маска нависала над ней, была в дюймах от ее лица. У маски была гротескная пластмассовая улыбка с карминно-красными губами, тянущаяся от уха до уха. Мертвенно-белая, как у призрака, кожа. Огромные глаза – глаза мухи. Даже не глаза совсем. Маска ухмыльнулась ей, и за ней снова нараспев зазвучал голос.

«Уже скоро, – тянул он. – Настала пора петь!»

Кристи хотелось зажмуриться, но он серой клейкой лентой приклеил верхние веки. Сначала одно, потом другое. Глаза мгновенно высохли, и ей стало казаться, что глазные яблоки вот-вот выкатятся наружу. В глазницах запульсировала боль. Ей очень нужно было моргнуть; она могла думать только о том, что нужно моргнуть, но сделать это не получается. Ей только и оставалось, что тарачиться на эти мушиные глаза и уродливую улыбку.

Только не петь, хотелось сказать ей. Пожалуйста, не надо петь.

Теперь она все вспомнила. Пение открыло дверь. Пение столкнуло ее в преисподнюю, во мрак. Ей хотелось закричать, умолять его, но что-то мешало – ее рот был забит тканью, которая не давала ей вздохнуть и заговорить. Она лишь протестующе взвизгивала через нос и постанывала. Маска хихикала, как ребенок, мучающий муравья.

«Песенка здесь, – пропел он. – Смотри на то, что тебя пугает!»

Кристи закричала, но не вслух, а внутри себя. Однако это не остановило то, что должно было произойти. Песнь началась. Мелодия была плавной, нежной, совсем не страшной, но как только полились слова, ровная белизна преобразилась. На стенах, полу и потолке появились всякие образы; сначала она не могла разглядеть, что это такое, однако комната стала сжиматься, и Кристи поняла, что комната утыкана иголками.

Тысячами и тысячами поблескивающих серебром острых иголок. Торчащих. Трехмерных. Гладких и длинных.

О нет. Нет, нет, нет, нет, нет. Что угодно, только не иголки.

Стены задвигались. Задвигался потолок. Во всяком случае, у нее возникло такое ощущение. Иглы увеличивались на глазах. Теперь Кристи видела и другие предметы. В воздухе поплыли глазные яблоки – десятки голубых глаз с такими же длинными ресницами, как у нее, – и по мере того как стены комнаты сдвигались, иглы протыкали глаза, насаживая их на себя, словно на шампур, а во все стороны брызгами разлетались кровь и стекловидное тело. Она кричала, и кричала, и кричала – и не издавала ни звука.

Между иглами появилось лицо. Не лицо. Маска. Ее усмехающийся рот раскрылся и запел. Эта музыка стала звуковой дорожкой для фильма ужасов, когда испачканные кровью иглы нацелились на ее тело. На лицо. Приближаясь, они становились все больше и больше.

А над ухом пел голос:

«Крис-ти, Крис-ти».

Затем поступила команда:

«Беги».

Еще и еще раз:

«Беги, беги, беги, беги, беги, беги, беги, беги, беги, беги».

Она попыталась. Она чувствовала, как работают руки, как передвигаются ноги; ее сердце едва не выскакивало из груди по мере того, как она бежала быстрее и быстрее, но так и не могла убежать от иголок. Медленно, неотвратно они приближались к ней. Чтобы уколоть. Чтобы воткнуться в нее. Чтобы пронзить ее и оставить после себя тысячи ран.

«Беги, беги, беги, беги, беги, беги, беги, беги, беги, беги, беги».

Открытые глаза Кристи видели иглы. Ее беззвучные крики превратились в непрекращающийся вопль о помощи, но помощь не приходила. Теперь поблескивающие острия заполняли все поле ее зрения; они были так близко, что уже касались роговицы, проникали внутрь глаза. Весь мир превратился для нее в эти ужасные иголки. Их было так много, что они проникали в каждую пору.

Ее сознание взорвалось.

Ее сознание вылетело в окно и раскололось на кусочки. Она даже не почувствовала слабого, настоящего, укола в руку, не почувствовала, как ужас отступил, – просто опять соскользнула в черную пропасть.

Глава 12

Фрост смотрел на закрепленные на отвесной скале три деревянные доски, которые образовывали помост шириной всего в восемнадцать дюймов. Ограждения не было, лишь похожие на рождественскую мишуру полукружья цепей, висящих на вбитых в породу крюках. Под помостом зияла пропасть глубиной в тысячу футов. Из расщелин росли искореженные, открытые всем ветрам деревья. Вокруг были только горы, чьи очертания размывал легкий туман.

Пока Фрост изучал изъеденные непогодой доски, пятилетняя девчушка с рожком мороженого пробежала по пропасти к своей матери. Туристы толпились вокруг трехмерной иллюзии на Жирарделли-сквер и нервно смеялись. Это было всего лишь изображением пешеходной тропы, но настолько реалистичным, что Люси со своей фобией обязательно упала бы в обморок.

Истон сел рядом с художником на верхнюю ступеньку чаши фонтана с русалками. Вода с бульканьем и плеском заливала черепах и обнаженные груди сказочных созданий. Утреннее солнце высвечивало их лица. Над ними возвышалась каноническая эмблема шоколадной фабрики, и Фрост с удовольствием вдыхал налитый сладостью воздух.

– Потрясающе, Херб, – сказал он. – Только не говори, что такое существует в реальности.

– Существует. Это знаменитая горная тропа на Хуашане, в Китае.

– Ты там был?

– Да.

Фрост не удивился. Херб был из тех, кто за почти семьдесят лет прожил десять жизней.

– А зачем нужно ходить по таким тропам? – спросил он.

– Буддист, наверное, ответил бы – чтобы достичь нирваны, – сказал Херб, – но если честно, я просто слегка обкурился.

Истон рассмеялся. Заляпанная краской фланелевая рубашка Херба так сильно пропиталась запахом марихуаны, что любой «забалдел» бы, просиди он рядом с художником некоторое время. У Херба была белая, похожая на пергамент кожа и темные глаза; в черные очки были вставлены крохотные увеличительные стекла для мелкой работы. Жилистый и высокий, он прихрамывал из-за того, что предпочитал писать, стоя на коленях. Шак лежал у художника на коленях и играл с разноцветными бусинами, которыми были украшены длинные седые волосы Херба.

Они дружили уже пятнадцать лет. Даже в таком плавильном котле, как Сан-Франциско, Херб оставался единственным в своем роде. Он знал всех. Хиппи. Рыбаков. Геев. Радикалов. Яппи. Технарей. В восьмидесятые он четыре срока просидел в городском совете, но, насколько помнил Фрост, все это время рисовал замысловатые пешеходные иллюзии в разных местах города. Его приглашали на «Вечернее шоу» и «Доброе утро, Америка» и сняли в десятке фильмов, где действие происходило в Сан-Франциско.

– Пару дней назад я закупался в фургончике у твоего брата, – сказал Херб, глядя Шака. – Похоже, дела у него идут неплохо.

– Это так. Дуэйну нравится его работа. Он рад, что сбежал из традиционных кухонь.

– А твои родители? Как они?

– Наслаждаются Аризоной. Купили мототележку для гольфа – ее вид меня дико шокирует.

– Ну а у меня слишком высокий порог шокирования, – хмыкнул Херб. – Ты говоришь с человеком, который однажды был оштрафован за езду на сигвее[6 - Сигвей (сегвей) – электрическое самобалансирующее транспортное средство с двумя колесами, расположенными по обе стороны от водителя; внешне напоминает колесницу.] по трассе сто один. А вообще тебе, наверное, без них одиноко.

– Я понимаю, почему они переехали, – сказал Фрост. – Слишком много воспоминаний.

Он подумал о Франческе Штейн и понял, что все в жизни сводится к воспоминаниям. Хорошее. Плохое. Реальное. Воображаемое. Собрать все вместе – и вот вам личность. Согласился бы кто-нибудь все это изменить? Интересно, спросил себя Истон, предпочли бы родители, если б смогли стереть из памяти ту ночь шестилетней давности? Ночь, когда он был вынужден сообщить им о Кейти...

– Так в чем дело, Фрост? – спросил Херб. – Обычно ты субботним утром держишься подальше от туристов. Как я понимаю, это означает, что тебе нужна моя помощь.

– Да, нужна, – ответил полицейский.

Он часто советовался с Хербом, так как у того имелись источники информации обо всех выдающихся людях города, а еще он был знаком с большей частью обитателей улиц. Художник вел ежедневный блог о жизни Сан-Франциско, и в круг его читателей входили журналисты и политики.

– Доктор Франческа Штейн, – продолжил Фрост. – Знаешь ее?

– О да. Повелитель памяти.

– Именно она.

– Что ты хочешь знать? – спросил Херб. – Она милая, но за ласковым взглядом чувствуется сталь.

– Ее практика законна? Все эти игры с памятью кажутся мне мошенничеством. Неужели можно стереть воспоминания у кого-то в голове? Или создать воспоминание о том, чего не было?

– Думаешь, такое случается только в романах Майкла Крайтона?

– Честно? Да.

– Сомневаюсь, Фрост. Чем старше я становлюсь, тем сильнее убеждаюсь в том, что воспоминания – это как мои иллюзии. Выглядят очень реально, но являются не чем иным, как вымыслом. Я помню то, что точно было фальшивым, и забываю то, что на самом деле произошло. Я говорил кое с кем, кто проходил лечение у доктора Штейн. Один из почитаемых политиков нашего города. Будучи подростком, он на машине сбил пешехода, и через много лет после случившегося его начали мучить кошмары. Доктор Штейн поработала с ним. Он все еще помнит, что случившееся имело место, но не помнит, как именно все случилось. Хорошо ли это? Не знаю, однако такое вполне реально. И его кошмары прошли.

– Никто не заставит меня забыть, как я обнаружил тело Кейти.

– Это ты так считаешь, – сказал Херб, – но я бы не был так уверен. Именно тем, что воспоминание можно изменить, и объясняется несокрушимое нежелание ученых заниматься этим. Они обвиняют доктора Штейн в том, что она открыла ящик Пандоры. Я склонен согласиться с ними, даже несмотря на то, что в шестидесятые у меня было очень изменчивое представление о реальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Джон Мильтон. «Комос». Пер. Ю. Корнеева. – Здесь и далее прим. пер.

2

Имеется в виду бейсбольный клуб «Сан-Франциско Джайантс».

3

Банши (бэнши) – особая разновидность фей в ирландском и шотландском фольклоре; издает пронзительные вопли, предупреждающие кого-либо о его близкой кончине.

4

Джастин Рэндалл Тимберлейк (р. 1981) – популярный американский певец, автор песен, композитор, продюсер, танцор и актер.

5

Ночная птица (англ.).

6

Сигвей (сегвей) – электрическое самобалансирующее транспортное средство с двумя колесами, расположенными по обе стороны от водителя; внешне напоминает колесницу.

Купить: https://tellnovel.me/friman_brayan/nochnaya-ptica

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)